

ДИАНА
МАШКОВА

ЖЕНЩИНА
ИЗ
ПРОШЛОГО

...Истории о любви Дианы Машковой обнажают душу современной женщины, независимую и сильную, трепетную и ранимую, чьи лабиринты, тайные комнаты и тупики прекрасно знакомы автору книги.

Писатель Юрий Поляков

Вкус неба

Диана Машкова

Женщина из прошлого

«ЭКСМО»

2011

Машкова Д. В.

Женщина из прошлого / Д. В. Машкова — «Эксмо»,
2011 — (Вкус неба)

ISBN 978-5-699-46851-5

У него прекрасная семья: любящая жена, подающий надежды сын, очаровательная дочурка. У него замечательная работа: риск, ответственность, отдача. Ему покоряется мечта: взяв в свои руки штурвал, он устремляется в синюю высь. Он окружен друзьями. И в целом – счастливый человек! Но когда появляется она – женщина из прошлого, – все в жизни кажется блеклым, мнимым, напрасным. Он готов разрушить свое настоящее, только бы снова вдохнуть запах ее волос. Но войти ли дважды в одну и ту же реку?

ISBN 978-5-699-46851-5

© Машкова Д. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Диана Машкова Женщина из прошлого

Дорогой читатель Литрес,
от всего сердца благодарю
за выбор моей электронки
книги и надеюсь, что
мой прекрасно проведен
время вместе!

Желаю добра, счастья,
увлекательных историй
и радости каждой день.

Будьте любимы и любите,
пусть удача не покидает!

С любовью,

Ваша

Диана Машкова

Часть I Аэропорт

Глава 1

– Максим, ты куда? – Ирина близоруко шурилась на часы. – Будильник еще не звенел.

– Звенел голосом шефа, – Ларин¹ раздраженно хлопнул дверцей шкафа, доставая костюм, – срочно вызывает к себе!

Ира моментально сбросила с себя остатки сна и проворно вскочила с постели. Раз так, нужно успеть приготовить мужу завтрак. А уж потом будить детей, опрашивать старшего в институт, младшего – в школу. Вроде оба на вид взрослые, а без нее собраться не могут. Как и Максим. Она улыбнулась, с приятным чувством наседки взглянула на Ларина, в отчаянии перебиравшего галстуки, и на цыпочках вышла из спальни.

– Шеф сказал, чего хочет? – ласково спросила жена, подливая в чашку мужа горячий кофе.

– Нет, – Ларин, оторвался от газеты, – но, судя по интонациям, крови.

Ира вздрогнула, крохотная турка выскользнула из ее рук.

– Господи, – Максим поморщился, – какая ж ты нервная!

Она виновато посмотрела на мужа и бросилась вытирать кофейную жижу с кафельного пола. Заметила, что начищенные ботинки Максима тоже в коричневых брызгах, и побежала в прихожую за щеткой для обуви. Ларин нахмурился, глядя ей вслед, и снова уткнулся в газету. Вот как, скажите на милость, можно жить с женщиной, которая стелется перед тобой днем и ночью?! Ведет себя так, словно ее интересов не существует: есть только дети и муж. Пацанов избаловала донельзя – бутерброд себе сами сделать не могут, – с ним тоже носится, как с младенцем. Ларин стиснул зубы. Все чаще в свои сорок он думал о том, что много лет назад совершил роковую ошибку, женившись на Ире.

Супруга вернулась со щеткой и присела на корточки у ног Максима. Он был бы рад почистить ботинки сам, но знал, что жена будет долго бороться за это право, чтобы он, не дай бог, не испачкал рук; начнет суетиться, причитать. Гораздо легче оставить все как есть. Перетерпеть.

– Я твою командировочную сумку собрала, – сообщила Ирина, глядя на него снизу вверх, – все свежее, глаженое.

Ларин не выдержал ее щенячьего взгляда, поднял жену с корточек и усадил к себе на колени. Ира осторожно приникла к нему всем телом, и только руки держала, вытянув перед собой – боялась задеть его начальственное великолепие грязной щеткой. Максим быстро поцеловал Ирку в губы и, спихнув с себя, встал.

– Молодец, – похвалил он, – с моей работой никогда не знаешь, где кончится день.

– Да уж, – жена с надрывом вздохнула, – возвращайся, я буду ждать.

– Постараюсь, – кивнул Ларин и, выйдя в прихожую, взглянул на себя в зеркало.

Из недр чуть затемненного стекла его придиричиво разглядывал солидный мужчина из начальственной элиты: костюм, галстук, заколка с бриллиантом – все как положено. Аккуратно подстриженная борода и усы, ставшие пестрыми из-за буйного вмешательства седины в черно-рыжую масть. Глубокие морщины на лбу и вокруг печальных синих глаз. Темная шея, в мелкую складку, как у черепахи. Ничего не поделаешь: стрессы, неприятности бесконечные – вот и начинаешь стареть раньше времени. Зато, в отличие от большинства топ-менедже-

¹ Об этом и других героях произведения можно также прочесть в романе Д. Машковой «Вкус неба».

ров, обзаводившихся животами одновременно со статусом, Ларин оставался худым. Сильным и жилистым.

– Краси-и-ивый, – подобоострастно протянула Ира за его спиной.

Он усмехнулся виноватому отражению, выглядывающему из-за его плеча, и вышел в подъезд.

Как только жена закрыла за ним дверь, он почувствовал себя освобожденным, словно вырвался из тюрьмы.

Ощущение счастья на миг захлестнуло Максима, а мысли тут же перенеслись к Даше. Любимая девушка возникла перед внутренним взором и заставила сердце биться сильнее. Как же он соскучился по ней за эти два дня! Ему хотелось набрать ее номер только ради того, чтобы услышать полудетский голос, почувствовать в трубке легкое дыхание. Но он не решился. Понимал, что сильно ее обидел и теперь долго придется вымаливать прощение. Конечно, она позвонила не вовремя: посреди ночи, когда Ира спала рядом. И все равно он должен был крикнуть в трубку: «Дашка, милая! Тебе плохо? Подожди меня, я уже еду!», а не бормотать, как придурок: «Да, я вас слушаю! Что-то случилось?» И пусть бы Ирина узнала все, может, тогда его жизнь встала бы с головы на ноги! А он струсил. Потом, конечно, не одеваясь, выскочил на улицу, перезванивал, отправлял тысячу сообщений, но было поздно. Маленькая гордая Даша спряталась от него. Теперь придется заново подбираться к ней, заново приручать. Что ж, ради этой девушки он готов на все. И запасся терпением.

Ларин достал из кармана брелок от машины, нажал на кнопку. Бросил в багажник весело пискнувшей «Тойоты» дежурную сумку – на случай внезапной командировки – и сел за руль. Впереди было целых тридцать минут для того, чтобы мечтать о Даше, а в перерывах – черт бы побрал шефа с его звонком – обдумывать ответ на вопрос, какая гадость опять приключилась в компании. Максим включил зажигание и, осторожно лавируя меж плотно припаркованных во дворе машин, выехал на дорогу.

В принципе вариантов «гадости» было не так уж много. Вариант первый, нервический. Кто-то из многочисленных друзей-приятелей Виталика, генерального директора компании и его непосредственного шефа, нажаловался на то, что в полете его паршиво обслуживали. А поскольку все, с кем водился шеф, причислялись к лику бизнес-элиты, на подобные замечания Виталик реагировал бурно. Махал пашкой, требовал увольнений. Максим, опасаясь за собственную шкуру, скромно поддакивал. Увольняли очередную «девочку» с упомянутого рейса, которая «не умеет работать», и дело считалось закрытым. До следующего раза.

Такой подход Ларин считал приемлемым. Знакомые Виталика летали их рейсами нечасто – все больше пользовались бизнес-авиацией или другими авиакомпаниями, – а потому выгнать приходилось не много. Так сказать, минимальный естественный отбор. Максим вспомнил недавно услышанный анекдот: приходит новый директор в компанию и тут же требует, чтобы ему из отдела кадров принесли дела десяти сотрудников, выбранных наугад. Берет пачку в руки и провозглашает: «Вот этих – уволить!» «Почему?!» – испуганно спрашивает начальница отдела кадров, которой предстоит что-то объяснять людям. «Не люблю невезучих», – изрекает шеф. Вот. Очень похоже. Просто отсекали тех, кто случайно попал под руку.

Это было гораздо лучше, чем вслух признавать тот прискорбный факт, что большая часть стюардесс давно разучились работать. Или никогда не умели. Ларин вздохнул. За такое признание голову, как заместителю генерального директора, оторвут именно ему. А что он может сделать без головы? Уж точно не заработать на безбедную жизнь Иры с детьми и собственные неотложные нужды.

Хотя, по-хорошему, давно уже пора им с Виталиком заняться кадровым вопросом. Перетрясти личный состав как следует, ввести жесткую аттестацию через каждые шесть месяцев, а не формальный экзамен раз в три года. Есть на тебя жалоба пассажира, не знаешь теорию, не умеешь быть вежливым и предупредительным? Все. На выход! Вот тогда будут бояться и

работу свою ценить. Только Виталик первый же и начнет панику разводить: «А если всех выгоним, работать кто будет?» Скажет, что надо людей учить, а не увольнять.

Но проблема в другом: привить навыки сервиса можно лишь тем, кто любит свою работу. А если человека от пассажиров тошнит и он постоянно занят решением глобальной проблемы, как отработать рейс так, чтобы клиентов не видеть, никакая учеба ситуацию не спасет. Деньги на ветер. По внутренним, субъективным ощущениям Ларина ситуация в компании сложилась такая: прежде чем сажать стюардесс за парты, шестьдесят процентов из них надо бы заметить. Причем не поленившись наконец привлечь к отбору психологов и специалистов высшего класса, а не одного-единственного HR-менеджера – недоучку, который способен оценить только видимую работоспособность рук, ног соискателя и формальное наличие головы.

Ларин тяжело вздохнул. Вот, ей-богу, не было у него ни малейшего желания разгрести эти авгиевы конюшни. А кроме того, чтобы все процедуры отладить, требовался целый штат профессиональных людей – в одиночку он только шею себе свернет. И что скажет ему Виталик в ответ на просьбу переманить к ним из конкурентной компании качественный HR? Правильно. «Ты что, с ума сошел?! У нас таких денег даже начальство не получает. А ты хочешь простым смертным бешеные бабки платить».

Понятно, что здесь – тупик. Ладно. Вопрос нынче в другом: что же все-таки за вожжа попала с утра пораньше шефу под хвост?

Вариант второй, классический – какая-нибудь особо выдающаяся письменная жалоба от клиента. Последний раз была претензия одной вьедливой бабки, которой никак не могли принести воды, чтобы запить таблетку. А дальше, как водится, понеслось: все стало плохо. «Стюардессы разговаривают грубо, – писала старушка, – без уважения, полное отсутствие хороших манер! К пассажирам обращаются как к заключенным, в приказном тоне и часто на «ты». Такое впечатление, что ваша компания перевозит скот, а не людей. Когда моя соседка, молодая женщина, попросила дать ей чайную ложечку, бортпроводница, симпатичная с виду девушка, предложила размешать сахар в чае пальцем! Это не безразличие, с которым мы часто сталкиваемся в наши дни. Это – намеренное издевательство над людьми и полная безнаказанность!» Ларин специально выучил это послание наизусть и не поленился, провел совещания со всем своим стадом, изложив им письмо от первого до последнего слова. Он хотел видеть реакцию людей, хотел убедиться в том, что им хотя бы совестно за себя и коллег. Некоторые действительно покраснели от стыда – таких оказалось меньшинство, – остальные краснели от натуги, стараясь не заржать в голос на официальном собрании. Похоже, вся эта история со «скотами» и размешиванием «сахара пальцем» их попросту забавляла! Ларин именно тогда и понял, что увольнять, если кому-то вдруг придет в голову потратить немалые средства на наведение здесь порядка, придется большую часть. Но пока будет действовать дурацкий Виталин принцип «а кто работать-то будет?!», ничего не изменится.

Вариант третий, внутренний. К Виталику прорвалась какая-нибудь девочка из увольняющихся и рассказала ему «всю правду». О том, как бывалые стюарды и стюардессы притесняют новичков, о том, что в службе процветает дедовщина. Могла еще ляпнуть, что на эстафетах принято сексуальное рабство: откажешь старшему стюарду или пилоту, будешь потом полжизни туалеты в самолетах мыть. Ларин что-то подобное уже слышал.

С тем, чтобы следить за дисциплиной на эстафетах, было сложнее всего. Ну что ты будешь делать, если те, кто должен наводить порядок, сами же первыми лезут в пекло?!

На самом деле Ларин прекрасно знал все недостатки и проблемы компании, в которой работал бессменно уже десять лет. С момента ее основания. Только изменить ситуацию собственными силами он не мог – тут надо было заручиться абсолютной поддержкой Виталика и немалыми средствами акционеров. Не зря же умные люди говорят, что сердце сервиса – в кабинете руководителя. А пока удавалось летать так, как есть, и зарабатывать деньги, никому

не хотелось на корню ломать существующую структуру и с нуля отстраивать сложнейшую процедуру контроля и обучения. Слишком уж затратное и хлопотное это дело.

Лично у Максима не было ни малейшего желания набивать себе шишки, пытаясь изменить что-то к лучшему. Компания давала ему высокий статус, звучную должность и содержание, о котором девяносто девять процентов простых россиян не смели даже мечтать. Да, приходилось время от времени выслушивать разное от Виталика и даже от акционеров, но Ларин давно привык. Отряхнется – и дальше. А кроме того, до недавнего времени он легко утешался шикарным бонусом: прекрасным выбором молодых девиц, которые работали у них стюардессами. Учитывая, что мужчина он видный, при деньгах и при должности, любая девчонка готова была на многое ради его внимания. Так и жил в свое удовольствие.

А потом встретил Дашу, и все перевернулось с ног на голову. Влюбился как мальчишка – на других женщин даже смотреть перестал. Снова начал мечтать о свободе, о новой жизни. Удивительно. А он-то думал, что давно зачерствел и даже умер для чувств.

Ларин припарковал машину на служебной стоянке аэропорта и взглянул на часы – до встречи с Виталиком оставалось целых двадцать минут.

Ноги сами несли его дорогой, проходящей через стойку информации Дашиной авиакомпании. Сердце Ларина замерло, он обвел зал вылета нетерпеливым взглядом. На привычном месте, за стойкой регистрации, девушки не было. Куда же она пропала?! Сколько раз он звал эту странную Морозову к себе на работу, предлагал должность бортпроводницы, о которой она с детства мечтала. Но Дарья все время отнекивалась – наверное, не хотела ничем быть ему обязанной. И продолжала трудиться на его же конкурента за смешную зарплату. Глупышка! Он бы давно превратил ее жизнь в рай.

– Можно? – Ларин вежливо застыл на пороге громадного кабинета Виталика. Массивный письменный стол, под стать дородному директору, дорогущее кожаное кресло аж из Италии – собственным рейсом везли, хотя и в Москве сейчас мебель какую угодно купить можно; чуть подальше – такой же гарнитур для переговоров. Гигантский глобус в углу, на полках – модели самолетов, а на стене – портрет президента. Все как положено. По протоколу.

– Входи! – пробасил шеф.

– Утро доброе!

Красивый баритон Ларина был призван настроить директора на мирный лад.

– Добрее некуда, – буркнул тот, – присаживайся.

«Кофе не предложили, – отметил про себя Ларин, – бить будут-с». И, выжидая, когда шеф разразится громом и молнией, еще раз с беспокойством подумал о том, куда могла подеваться Даша.

– Ты знаешь, что в Бангкоке ситуация обострилась? – начал Виталик издалека.

– Да, – Ларин сосредоточенно кивнул, – мы из-за тайцев вчера даже рейс отложили.

– А почему?! – лицо шефа побагровело.

– Аэропорт закрыт, – звериный рык на привычного Ларина впечатления не произвел, но на всякий случай он изобразил на лице отчаянье, – не принимают!

– Этих, – директор сделал в воздухе неопределенный жест, – принимают, а нас нет?!

– Так эти, – Ларин сразу понял, что речь о Дашиной авиакомпании, которая шефу спокойно жить не дает, – в дыре чертовой сели. Утапао называется. Там ни условий, ни стоек регистрации – военный аэропорт.

– Откуда ты знаешь?

– Ночами не сплю, авиационные новости изучаю, – как мог серьезно, пожаловался Максим на свою судьбу, – чтобы быть в курсе.

– А толку?! – зарычал шеф. – Сам ни до чего додуматься не мог? Раз был в курсе, почему никаких предложений?! Эти полетели, бригаду усиления с собой увезли, а мы все сидим!

Ларин, понимая, что для начала надо дать взбешенному шефу выговориться, молчал, опустив голову. Как же ему надоели спектакли, которые он разыгрывал в знак покаяния то перед Виталиком, то перед акционерами! И чего он завелся из-за такой ерунды? Демонстрации оппозиции – это чрезвычайное обстоятельство. Ни одна авиакомпания в мире, кроме Дашиной, не летает. Кстати, о какой «бригаде усиления» Виталик там говорит? Может, и Морозову в нее же включили?

– Олук царя небесного! – продолжал усердствовать в гневе Виталик. – Тебе плевать, что мы разоримся на жрачке и гостинице для пассажиров!

– Так рейс отложен не по нашей вине, – попытался оправдаться Максим, – в принципе мы не обязаны расселять и кормить.

– Ты это в Минтрансе, умник, объясни! И тем своим дебилам, которые сначала открыли регистрацию, а потом уже стали разбираться – полетит самолет, не полетит! За пассажиров, которых успели зарегистрировать, мы при любых обстоятельствах ответственность несем!

– Но вчера же думали, откроют Бангкок. Все новостные агентства...

– Индюк тоже думал! – Виталий бросил на Ларина испепеляющий взгляд. – Учти, не будет решения, сотру тебя в порошок.

– Будет, – Ларин судорожно соображал, что делать, и гадал, в Таиланде ли Даша, – сейчас начнем собирать пассажиров. Пробьем разрешение приземлиться в Утапао и тоже взлетим.

– Вот и действуй, – ухмыльнулся Виталик.

Максим вздохнул с облегчением – видимо, на этот раз пронесло, шеф оттаял. Теперь осталось сделать невозможное: договориться с тайскими авиационными властями. Наверняка в Утапао сейчас потянулись все рейсы: там не то что самолету приземлиться – яблоку негде упасть! Знать бы наверняка, в Таиланде Морозова или нет. Если да – он горы свернет, не то что разрешение властей получит! Сам полетит.

– Постараюсь.

– Все остальное будешь решать по месту – ты лично летишь!

– Отлично!

Видя, что разговор окончен, Максим нетерпеливо поднялся. У кого бы выяснить насчет Даши? Можно, конечно, позвонить Михаилу Вячеславовичу Фадееву, как коллеге по цеху, но для этого нужен веский предлог. Иначе заместитель генерального директора конкурирующей компании его не поймет. Да и в курсе ли он? Дарья Морозова – всего лишь агент на линии регистрации. Самый обычный сотрудник.

– Еще раз услышу, особенно из министерства, что эти самые на голову выше нас, башка твоя, забитая бабами, полетит с плеч!

Ларин вздрогнул. Впервые за все время работы Виталий недвусмысленно грозил ему увольнением. Наверное, капля за каплей чаша терпения шефа оказалась переполнена. Хотя ничего не скажешь, прекрасная менеджерская позиция: в своем глазу бревна не видеть.

Если бы Виталик не был таким жмотом и трусом, давно бы уже ситуацию – шаг за шагом – исправили. Были у Ларина идеи, как заставить персонал думать и отвечать за свои поступки. Были наработки по организации полноценного контроля качества; по формированию кадрового резерва. Он даже в несколько вузов съездил, с проректорами поговорил. Везде были готовы присылать студентов на летнюю практику – как раз подспорье в высокий сезон. А они бы присматривались к ребятам, отбирали бортпроводников заранее. Хороших юношей и девушек постарались бы работой заинтересовать, чтобы приходили нормальные кадры, с высшим образованием, а не «хабалки с рынка», как пассажиры в своих жалобах пишут. Вон как у конкурентов все строго с отбором – Дарью, идеальный вариант бортпроводницы, на взгляд Максима, – и то на эту должность не взяли. Отправили набираться опыта на линию регистрации. И им надо быть строже с персоналом, серьезнее! Но один, без поддержки Виталия, он в этом поле не воин.

– Развел бардак в компании, – проворчал шеф, – никакой дисциплины! У тебя половина подчиненных приятели, другая половина – любовницы. Потому и сели на шею.

– Вита-а-алий Эдуардович, – Ларин искренне возмутился: он уже целый год никаких служебных романов не заводил, – какие любовницы?! Я не в том возрасте...

– Знаю я возраст твой, – хмыкнул Виталий, – кобелиный. Ладно, справишься с Утапао, поедем куда-нибудь на пару дней, вспомним молодость. Баня, девочки: ты же у нас любитель.

– Если за компанию с вами. – Максим с тоской представил себе мероприятие, от которого ему заранее было тошно.

– Конечно, – Виталий с энтузиазмом кивнул, – только право это надо еще заслужить. Придется тебе наших конкурентов в Таиланде за пояс заткнуть. Как – сам подумай.

– Понял, – постарался скрыть растерянность Ларин.

– Плохо понял, родимый, – Виталий смотрел Максиму в глаза, – я за свое унижение перед министром хочу реванша. Мне эти герои давно поперек горла стоят. Не сможешь изменить ситуацию, сам станешь публичным козлом отпущения.

– Но...

– В конце концов, – Виталий откинулся в кресле, – только ты виноват в том, что мы так сильно отстали за последние годы.

– Это же кризис, – Ларин впился руками в край стола, – нам на всем пришлось экономить! На зарплатах. На обучении. На питании пассажиров.

– Легче всего, – Виталий криво усмехнулся, – валить все на недостаток ресурса. А ты, дорогой мой, выкручивайся, изобретай! Должны быть идеи. И имей в виду – у тебя только один шанс.

Ларин выполз из кабинета Виталия мокрый, как гусь. Рубашку от «Бриони» можно было запросто выжать.

Такого стресса в кабинете шефа он не испытывал еще никогда. А он-то, дурак, расслабился, думал, привычно заткнет дыру собственной задницей, и дальше все будет как обычно. Но ситуация острая. Видимо, в министерстве хотели крови Виталия за все их прегрешения вкуче, может быть, даже грозились компанию прикрыть. Скорее всего рейс на Бангкок, который они не нашли способа выполнить из-за манифестаций, оказался только формальным предлогом. А Виталий решил вместо себя подсунуть им заместителя и весь разговор подводил Ларина к привыканию к этой мысли. Понятно, что шеф не верил ни в какой положительный исход его «тайской миссии». В конце концов, что можно сделать, чтобы снести с пьедестала крупнейшую авиакомпанию с устойчивой репутацией? Только изменить собственное качество работы.

Нельзя переплюнуть конкурентов за один день, на это нужны годы упорного труда и грамотный менеджмент. Ларин вернется ни с чем и даст Виталию повод. А на кону не только статус и деньги, на кону будущее. Если шеф сделает его виновным во всех бедах компании, карьера в авиации Ларину будет закрыта, как, собственно, и в любой другой сфере российского бизнеса. Ославят его на всю страну как человека, развалившего и обворовавшего целую авиакомпанию. А Виталик за его счет наверняка выкрутится. Его еще все жалеть и утешать будут.

Максим добрел до кабинета словно в бреду, не обратил внимания на вскочившую навстречу ему секретаршу и захлопнул за собой дверь.

Сначала набрал номер начальника отдела внешних связей, велел срочно писать письмо в министерство авиации Таиланда и запрашивать слот в аэропорту Утапао.

– Знаю, что не дадут, – проорал в трубку Ларин, – а ты сделай так, чтобы дали! Если нужно, я лично с министром и с кем угодно переговорю!

Потом вызвал руководителя производства, велел в срочном порядке готовить рейс и обзванивать пассажиров, часть из которых, узнав о задержке на неопределенное время, разъехали по домам. По подсчетам Ларина, на согласование слота и подготовку рейса должно

было уйти часа четыре, не больше. В Таиланде – он взглянул на запястье – уже два часа дня. Ответ они могут дать только в рабочее время, значит, к вечеру по Москве надо планировать вылет. Если разрешения не будет, Виталий выставит его из компании сегодняшним же числом.

Ларин прикрыл глаза. Будет все, будет! Главное – узнать, в Таиланде Дашенька или нет. Собственно, вот он и повод: позвонить Фадееву, спросить, как им удалось пробить разрешение летать в Утапао. Михаил Вячеславович, в отличие от Виталика, вполне нормальный мужик. Гипертрофированным самолюбием не страдает. Да и чего ему, собственно, беспокоиться, если в их компании все идет хорошо.

После короткого разговора с Фадеевым оказалось, что Михаил Вячеславович и сам в Таиланде, и Даша в составе бригады усиления там – Ларин едва сдерживал охватившее его возбуждение. Работать он не мог – все плыло перед глазами. Встал, чтобы выйти из кабинета и выпить кофе в баре, но передумал: взгляд случайно остановился на толстой потрепанной папке. В этой распухшей от бумаг страдальце Максим хранил письменные жалобы пассажиров, с которыми не знал как поступить. Если клиент писал претензию и требовал от компании денег – возмещения ущерба, – все было ясно. Отправляли на рассмотрение в претензионный отдел. А куда девать письма, в которых пассажиры ровным счетом ничего не требовали, а просто изливали начальству душу?

Ларин вытащил папку с полки, присел на письменный стол и раскрыл. Сверху – та самая жалоба про «воду и таблетку» со всеми вытекающими. Смотрим дальше. «Когда мы с подружкой попросили стюардессу налить нам еще чаю – у нас с собой чашки были, – она нам ответила: «Вы сначала этот выпейте». Но мы же лучше знаем, сколько нам нужно чаю – эти ваши пластиковые емкости для горячих напитков такие маленькие! Мы и говорим: «Мы лучше знаем, сколько выпьем», а она нам в ответ: «А у нас на каждого человека норма: пейте, что дают». Неужели нельзя увеличить норму обычной кипяченой воды, а заодно научить сотрудников вежливо разговаривать с людьми?!» Ларин не стал читать до конца – пролистнул страницу.

Следующая записка – совсем короткая, размашистым почерком: «Смените стюардесс на борту! Хамство, неуважение и полное пренебрежение к пассажирам! Очень бы хотелось, чтобы такие девушки находили себе работу в какой-нибудь другой сфере, а не в сервисе».

Максим перешел к следующей жалобе. По-женски аккуратные буквы, идеальные строчки. «Когда самолет остановился и уже погасли табло «Пристегнуть ремни», я встала из кресла и начала собирать вещи. Но ко мне тут же подскочил молодой стюард и прокричал в лицо буквально следующее: «Ты че встала?! Сядь, я тебе сказал!» От обиды за такие незаслуженные оскорбления у меня слезы навернулись на глаза. Я спросила, почему он ведет себя со мной так грубо, и услышала в ответ: «Потому что с вами нельзя по-другому!!!» Я хочу спросить вас, на кого рассчитан такой сервис? Конечно, на всем нашем обществе лежит вина за то, что мы не смогли воспитать молодежь девяностых – ребят, которые выросли во времена «бандитских разборок», передела собственности и ежедневных перестрелок. Они живут по принципу «кто сильнее – тот прав», у многих из них покалечена психика и отсутствует человечность. Но неужели нельзя отсекающих таких людей, не допускать их к работе с пассажирами? В конце концов, находиться рядом с таким человеком в замкнутом пространстве самолета попросту страшно!»

Ларин захлопнул папку. Как-то не вчитывался он раньше в подробности, а теперь вот и самому стало жутко от этих писем. Неужели настолько все плохо? И что с этим делать?!

Он вернулся за рабочий стол и прижал ладонь ко лбу. Впервые ему пришлось в голову, что эти жалобы ни в коем случае нельзя было прятать. В них подсказки пассажиров менеджменту компании, самая ценная для руководства информация, которая может помочь вылечить недостатки и избавляться от тех, кто попал в авиацию по ошибке. Мало того, что на каждое такое письмо должен быть отправлен ответ с извинениями, так еще по всем случаям нужно принимать самые жесткие меры. С наказанием ответственных лиц, с увольнением нерадивых испол-

нителей. А потом эти материалы должны передаваться преподавателям – которых, кстати, до сих пор в компании нет, – чтобы те использовали подобные жалобы в своих тренингах по сервису для персонала. В назидание всем будущим поколениям сотрудников и для понимания, за что именно, в случае чего, их непременно уволят.

Максим сложил руки и уронил тяжелую голову на стол. У него больше не было сил. Единственное, чего он хотел, – это увидеть Дашу, быть рядом с ней. А клиенты и сотрудники пусть пока подождут.

Глава 2

Михаил Вячеславович вернулся из бассейна в самом чудесном расположении духа. Голова свежая, мысли новые. Какое счастье оторваться на пару дней от надоевших совещаний, бумаг и сменить мантию заместителя генерального директора на фуражку простого пилота! В Таиланде он всего ничего, а чувствует себя так, словно неделю пробыл на курорте. Все-таки смена обстановки – великое дело.

Фадеев открыл карточкой дверь в огромный номер, стащил с себя мокрые плавки, бросил их на кровать и пошел в ванную комнату. Поколебался, выбирая между душем и джакузи, и шагнул в душевую кабинку. Все у этих тайцев хорошо – чисто, просторно. Жаль только, черти, сауну не додумались в номере соорудить. Да разве им объяснишь: они, видно, считают, если у них на улице сауна, то и хватит.

Прохладные струи воды щекотали тело, лицо, смывали запахи солнца и хлорки. Пока плескался, понял, что голоден как волк. И тут же решил, что надо бы ребят – весь экипаж – в ресторан хороший свозить. После такого непростого рейса, как выдался у них из Москвы – и драка была на борту, и возврат лайнера из-за бомбы, а потом еще аэропорт в Бангкоке закрыли, – грех за одним столом всем вместе не собраться. Не всякий экипаж с подобной работой справится, а ребята его – молодцы! Герои.

Сколько у нас человек? Три пилота, пятнадцать бортпроводников – это экипаж и десять сотрудников из безопасности и службы перевозок – бригада усиления. Всего получается двадцать восемь. Прекрасный состав! Когда же еще, как не сегодня, удастся всем вместе кутнуть? Только лучше б на обед им выбраться – завтра рейс, отбой будет по расписанию. До заката надо всех спать уложить.

Фадеев бодро вытерся полотенцем, обмотал его вокруг бедер и пошел звонить Борису Михайловичу. Пусть пилот-инструктор займется организацией мероприятия: у него в должностные обязанности входит проведение собраний с личным составом. Да и если б не так, Боря – это душа любой компании. Ему только дай народ собрать. Как начнет хохмить да анекдоты рассказывать, все от смеху со стульев падают. Не зря его бог фамилией такой наградил: Веселовский.

Михаил Вячеславович улыбнулся, поднял трубку и на секунду задумался. Лучше всего в Baiyok Sky стол забронировать – ресторан там приличный. И вид восхитительный на Бангкок. Надо еще автобус заказать и всех оповестить. Минут за тридцать Михалыч как раз и управится. Значит – Фадеев взглянул на часы и набрал внутренний номер, – в три пополудни они уже будут на месте.

Пока разговаривал с Борисом, который, как всегда, идею корпоративного обеда воспринял как манну небесную и оживился сверх меры, в номер вернулась Людмила. Подняла с кровати мокрые плавки мужа, шлепнула его ими по спине – в ответ на возмущенно выпученные глаза шутиливо пригрозила пальцем: вечно, мол, все разбрасываешь, – а сама пошла в душ. Фадеев еле дождался, когда разговорчивый Михалыч наконец уgomонится. Положил трубку и поспешил в ванную комнату вслед за своей ненаглядной женой...

Через полчаса Люда, довольная и сияющая, сидела перед зеркалом – наводила красоту, а Фадеев от души ею любовался. Вот ни разу с женой он не прогадал! Заботливая, добрая, двух ребятшек чудесных ему родила: сына и дочку. Младшая вся в нее – глазички голубые, огромные, статная, хоть и невысокая. Красавицей будет, как мать. А у Темки-то и отцовские черты есть. Брови эти густые, глаза пронзительные и выправка такая, военная. А что? Фадеев в молодости о-го-го был, настоящий бравый пилот. Да и в свои пятьдесят он еще ничего, в форме. Волос, конечно, седой уже, но это все пустяки: можно ведь и подкрасить. Только жена

говорит, такая шевелюра ему больше к лицу – весу придает и солидности. Но в остальном держится он молодцом: мышцы железные, жира ни капли.

А все потому, что не хочет от жены молодой отстать! Каждый день спортзал, каждое утро пробежки. Иной раз придет домой уже за полночь, измотанный, выжатый, уже не то что педали крутить – раздеться нет сил. А в спальню заглянет, на Людмилу посмотрит и за шкурку себя в бассейн или на тренажеры. Четырнадцать лет разницы надо сгонять! Хорошо еще, когда дом свой строил, все предусмотрел: спортзал, бассейн, сауну. Иначе где бы с такой напряженной работой по спортклубам набегаться? Это ж немыслимо.

– Лю-юд, – добродушно протянул Фадеев, – опоздаем ведь. Ребята нас ждут.

– Мишенька, я уже скоро! – Она несколько раз провела расческой по распущенным волосам русого цвета и взглянула на мужа. Внимательно осмотрела его с головы до ног, как делала всегда перед тем, как выпустить «в люди».

– Что? – забеспокоился он.

– Ничего, – Людочка рассмеялась, – нравишься ты мне очень!

– Вот и хорошо, – вздохнул с облегчением Фадеев, – а я уж боялся, галстук заставишь надеть.

В автобус они поднялись последними – веселый гомон и приветствия заставили Михаила Вячеславовича до ушей улыбаться – сели на места в первом ряду, и машина сразу же тронулась.

Фадеев устроился удобнее в кресле и, не в силах совладать со своей неугомонной натурой, погрузился в мысли о предстоящей завтра работе. Главное – в аэропорту Утапао все правильно организовать. Еще неизвестно, когда теперь Суварнабхуми в Бангкоке откроют. Он-то с экипажем улетит завтрашним рейсом, а бригада усиления до завершения манифестаций, пока не освободят дороги, останется в Таиланде. Будет обслуживать пассажиров их рейсов дважды в неделю. Ребятам из разных подразделений собрали, многие в командировке впервые: правильно, что ему в голову сегодня пришло хоть такой незатейливый team-building устроить. Сотрудникам плечом к плечу в чужой стране работать, еще неизвестно, как долго, и в самых сложных условиях. А видеться на рабочих местах им предстоит только по вторникам и пятницам – в дни, когда прилетают самолеты авиакомпании. Нужно, чтобы люди заранее прониклись друг к другу симпатией и сдружились. Лучший способ – за общим столом.

Военный аэропорт Утапао, чего уж греха таить, для обслуживания пассажиров мало подходит. Маленький, тесный. На летном поле максимум пять самолетов уместится, а терминал и вовсе напоминает сарай. Можно себе представить, что там начнется, когда все крупные авиакомпании сообразят, что к чему, и решат лететь в Утапао! Вон Ларин уже спохватился – отослал в авиационные власти запрос, скоро и остальные додумаются.

Одно радует – удалось на территории аэропорта отыскать свободный ангар. Завтра они наведут там порядок: технику, мусор вывезут и сделают собственный «терминал» – с регистрацией и зонами ожидания. Надо не забыть еще водой питьевой запастись, да кондиционеры напольные или хоть вентиляторы какие поставить. А то ведь можно так и свариться в этом аэропорту Утапао...

Фадеев, погруженный в свои мысли, не заметил, что они уже целых пятнадцать минут никуда не движутся – стоят в бангкокской пробке, которая оказалась не хуже московской.

– Водитель говорит, – обернулся к нему Михалыч, занявший в автобусе место второго пилота, – дальше мы не проедем.

Встревоженный вид инструктора от души позабавил Михаила Вячеславовича: похоже, судьба team-building сейчас интересовала Боря больше всего. Широкие брови нахмурены, в глазах беспокойство, даже полные и обычно румяные щеки стали бледнее. Сходство Веселовского с обиженным Винни Пухом было поразительным.

– Что такое? – заулыбался Фадеев.

– Забастовщики дорогу перекрыли!

– Вот те раз, – ничуть не расстроился Михаил Вячеславович. Его счастье, от которого сердце парило, невозможно было нарушить.

– Транспорт не пропускают, – скорбно развел пухлые руки Михалыч, – или так идти, или обратно поворачивать надо!

– Спроси водителя, сколько пешком?

– Метров пятьсот по пешеходной дорожке, – после паузы откликнулся Михалыч.

– Ты, Боря, – Фадеев перешел на шепот, – давай узнай, не опасно нам выходить? Не хватало еще здесь приключений.

Пилот-инструктор пошептался о чем-то с водителем, потом обернулся довольный.

– Никак нет, – доложил он, и озорные огоньки привычно заплясали в его глазах, – туристов не трогают, в принципе тихо. Перегородили дорогу, и все.

Фадеев, сделав Михалычу знак подождать, поднялся из кресла и попросил водителя открыть дверь, чтобы проверить обстановку лично. Пока выходил из машины, почувствовал на себе встревоженный взгляд Людмилы. Он улыбнулся. Приятно, когда жена о тебе беспокоится. Даже по пустякам.

Михаил Вячеславович прошел вдоль застывших у обочины машин ближе к демонстрантам. Обычные люди в красных футболках, которых в прессе гордо именовали «оппозицией», толпились на проезжей части дороги. Играла музыка, раздавались шум, смех. Потом вдруг послышался голос из рупора, веселый гомон притих, и публика стала слушать. Михаил Вячеславович подобрался поближе. Скопление недовольного тайского народа, к его удивлению, больше напоминало молодежную тусовку, собравшуюся отметить какой-нибудь праздник. У большинства в руках были смешные разноцветные ладошки на длинных палках. Когда выступающий делал паузу, люди начинала махать палками в воздухе – туда-сюда, – и ладошки весело хлопали.

Фадеев заметил неподалеку тележки, похожие на лотки, с которых в Москве продают мороженое. Только здесь на месте холодильника стояли жаровни и противни с кипящим маслом. А продавцы в замызганных до неузнаваемого цвета колпаках что-то на них непрерывно жарили. Вообще, такие точки быстрого питания в Таиланде стояли чуть ли не на каждом углу и назывались отчего-то «макашницами». Крохотные сосиски, шашлычки, падтай – все, что нужно голодному тайцу для счастья. Кое-кто из коллег говорил, что и русскому человеку там вполне можно питаться – все съедобно, дешево и, главное, чисто. Но Михаил Вячеславович не торопился проверять этот тезис на собственном организме: не в его возрасте проводить над желудком смелые эксперименты.

Площадка для манифестации была огорожена транспортными средствами тайцев под веселящим русский слух названием «Тук-тук». Длинные деревянные повозки, похожие на трамваи – только открытые, без стекол, – выстроились поперек дороги, отсекая транспортный поток с двух сторон и образуя удобный плацдарм.

В общем и целом впечатление складывалось такое, что люди собрались, чтобы развлечься, только место для этого выбрали не самое подходящее. На появление Фадеева – как и на десяток-другой празднующихся туристов, примкнувших к повстанцам, – внимания никто не обратил. Михаил Вячеславович развернулся и пошел обратно к автобусу. Что ж – пешком так пешком. Не самый плохой вариант – прогуляться до ресторана под руку с красавицей-женой и в сопровождении добрых товарищей.

– Выходим! – бодро крикнул он в автобус.

– Ура-а-а! – обрадовался приказу принаряженный к обеду личный состав.

Мужчины подавали руки дамам, выходившим из автобуса. Приятное оживление коллег радовало глаз Фадеева. Вот это хорошо, это правильно, когда на молодых лицах улыбки! Он заметил, что Дарье Морозовой подал руку второй пилот – Андрей Антонов, – и усмехнулся. А

вчера ему казалось, что ей актер этот нравится, который в самолете всех песнями развлекал. Кирилл Николаев. Да и бог с ними, разберутся сами: дело-то молодое.

До известного во всем мире отеля, высотой в восемьдесят восемь этажей, идти оказалось действительно недолго. Пока веселая компания авиаторов под прибаутки и шутки неугомонного Михалыча двигалась к цели, манифестанты затеяли хоровое чтение речевок. По энергии и решимости голосов чувствовалось, что дороги они освободят не скоро. Значит, и на открытие аэропорта в Бангкоке пока рассчитывать не приходится.

– Ты в Sky Way заказал? – поинтересовался Фадеев у Михалыча.

Ресторан с панорамой обзора на восемьдесят первом этаже отеля в свое время произвел на них с Людой неизгладимое впечатление. Кухня так себе, зато вид – великолепный. А ближе к ночи и вовсе такое чувство, словно забрался на небо и сидишь себе среди звезд.

– Нет, – Михалыч развел руками, – там все занято. Мы в Sky Lounge, это этажом выше.

Фешенебельный ресторан встречал гостей по-праздничному и с тайским гостеприимством. Казалось, нет в городе никаких демонстраций – все как всегда. Только в глазах управляющего, который на плохом английском рассыпался в любезностях перед большой группой русских туристов, Фадеев заметил беспокойство. Если поразмыслить, недовольство простого народа било в первую очередь по карманам тех, кто обслуживал в Бангкоке «фарангов»². Еще с неделю отмены рейсов – и лучшие гостиницы, рестораны будут стоять пустыми.

Управляющий проводил дорогих гостей к уже накрытому для них столу и, поклонившись, с достоинством удалился. Фадеев, заметив нерешительность младших коллег, начал подбадривать.

– Ты, Жень, размещай свой личный состав, – подмигнул он старшему бортпроводнику Евгению Аверину, – а то девушки сами стесняются.

Аверин кивнул и начал суетиться вокруг подчиненных. Подавал руку, отодвигал стулья. На секунду Фадеев залюбовался его движениями. Вот что значит выправка бортпроводника: каждый жест гармоничен, точен, как у актера. Не сказать, что парень красавец – чересчур худощав, с острыми чертами лица, – зато, как начинает говорить или действовать, посмотреть любо-дорого! Само обаяние.

– Министр Воронов полетом доволен остался? – поинтересовался Фадеев, когда вся компания наконец расселась, – нас не ругал?

– Да что вы! – Евгений широко улыбнулся. – Говорил, что мы молодцы. Обещал благодарность генеральному директору написать.

– Надо ж, – Фадеев покачал головой, – рейс на восемнадцать часов задержали – тут вам и бомба, и черт-те что, а он благодарность.

– Воронов – умный человек, – Аверин позволил себе сдержанный комментарий, – понимает, что мы отработали профессионально.

– Не спорю, – Фадеев кивнул.

– Он просил передать, чтобы вы ему обязательно позвонили.

– Спасибо, – Михаил Вячеславович засиял от гордости и поднял уже наполненный распоротным официантом бокал, – ну, что, выпьем за нас, профессионалов?

– У меня есть тост! – проворно вскочил с места Михалыч.

– Начало-о-ось, – расплылся в улыбке Фадеев.

Хлебом дорогого Бориса Михайловича не корми – только дай выступить на публике. С ним любое собрание превращается в передачу «вокруг смеха».

– Тост восточно-авиационный, исполняет пилот-инструктор, – объявил сам себя Михалыч и тут же преобразился в старого горца: нахмурил брови, посмотрел грозным взглядом, ссутулился. – Пасэт гордый чабан на высакагорнам пастбищэ стадо. Вдруг видит – арел! Нал-

² Тайское пренебрежительное название иностранцев, произведенное от англ. слова foreign.

этэл, схватил барашка и взмыл с ним ввысь. Пастух за ружье. Стал стрелять в арла. Всэ пули пралетэли мимо. Но кагда арел уже пачти скрылся из вида, одна шальная пуля настигла его!

Михалыч резко замолчал, слушатели замерли в ожидании. Выдержав ровно столько, сколько завещал Станиславский, Михалыч продолжил шепотом:

– Арел разжал когти и камнем упал в пропасть! А баран палетел дальше. Так выпьем же, друзья-товарищи, за то, чтобы орлы не падали, а бараны не летали!

Под дружный гогот раздался звон бокалов. Веселье благодаря Михалычу моментально охватило весь стол. Даже Фадеев, несмотря на то, что слышал этот тост за свою жизнь уже, наверное, миллион раз, заражаясь радостью молодых коллег, смеялся.

– Так я же вам не успел рассказать самого главного, – подал голос Евгений. – Когда мы на самолет перед вторым вылетом прибыли, звонит мне перепуганный начальник перевозок и говорит: «Вороновых только что с рейса сняли». Я чуть от страха не умер. «Как, – говорю, – зачем?» А он мне – «явился с женой на регистрацию в нетрезвом виде!»

– Что за чушь! – Фадеев подпрыгнул на стуле. – Они не могли!

– Вот, – Евгений кивнул, – я и решил перепроверить! Звоню нашему VIP-менеджеру, который в зале официальных лиц с министром был! Он перепугался до полусмерти, бросился выяснять. «Когда, – говорит – успели?! Я Воронову десять минут назад ситуацию докладывал, он был в норме».

– И что?!

– Выяснили! – Евгений заулыбался. – Воронова действительно сняли. С женой, – он сделал многозначительную паузу, – только другого Воронова! Пассажир с такой же фамилией летел в туристическом классе.

– Надо же, – Фадеев выдохнул.

– Самое главное – даже имя совпало!

– Господи боже мой, – перепугавшаяся было Дарья Морозова наконец обрела дар речи, – что ж за работа у нас такая. Каждую минуту что-то случается!

– За спокойствие летного и наземного состава, – поднял бокал Антонов, взглянув на Дарью, – и за то, чтобы Вороновы летали!

– За спокойствие! – дружно поддержали его.

Дальше веселье пошло своим чередом. Авиационные тосты сыпались один за другим, как из рога изобилия. «Чтобы число взлетов равнялось числу посадок!!!», «За встречный на взлёте и попутный на маршруте», «За то, чтобы небо не упало на Землю и мы не остались без работы!!!».

Фадеев сбился со счета, сколько раз они успели поднять бокалы. Хорошо еще остановились коллективным решением на вине – все-таки девушек больше, да и на работу всем завтра.

Антонов, с трудом дождавшись своей очереди, тоже выдал мудреный тост.

– Когда вся стая полетела на юг, одна маленькая, но гордая птичка сказала: «Лично я полечу прямо к солнцу!!!» И стала подниматься все выше и выше, пока не обожгла свои крылья и не упала на самое дно глубокого ущелья.

Так выпьем же за то, чтобы, как бы высоко мы ни летали, никогда не отделялись от коллектива, честное слово!

Фадеев улыбнулся и порадовался, глядя на Андрея. Все-таки Михалыч – педагог от рождения. Явные перемены в характере Антонова, который еще вчера шараялся от бортпроводников, считая их низшей кастой, и страдал звездной болезнью пилота – это его заслуга.

А потом и сам Михалыч, не умевший молчать дольше пяти минут кряду, вскочил.

– Пусть не оставит нас мужская сила,
При частых рейсах эшелонем 10 100...
И, хоть мы пьем отнюдь не молоко,

Но радиации сломить нас не по силам!
Чуть на себя – и вот уж 10 300.
Вон к той звезде, что в небе высоко
Блестит, стремлюсь, лечу я, словно птица!
Полегче, парни – сохраняйте 10 100.

– Кто автор? – прозвучал сквозь всеобщий смех вопрос Андрея.

– Автор гениален, но неизвестен!

Вот отжигает Михалыч! И где он всего этого понабрался? В училище, наверное, помимо аэродинамики, авиаюмор изучал. Но в принципе, если учесть, что он сначала на военного летчика учился, все ясно. У парней на истребителях своя богатая жизненная школа. И неиссякаемый запас остроумия.

Фадеев искренне пожалел о том, что Кирилла Николаева сейчас с ними нет. Человек об авиации сценарий пишет, фильм мечтает снять – вот здесь бы авиационного фольклора и понабрался! Глядишь, где-нибудь да пригодилось бы.

Интересный он парень, этот Кирилл. Занятно бы посмотреть, что у него получится с фильмом. И чего только Дашенька от такого поклонника – умного и красивого – нос воротит? Видно же, что они оба друг другу нравятся! Вот есть у некоторых дамочек привычка голову зря мужикам морочить. Хотя на Дарью вроде как не похоже. О, тост подходящий вспомнил!

– Раз пошла такая тема, – Михаил Вячеславович встал, – вот мое напутствие молодым пилотам! Если женщина, как аэродром в тумане – то покажется, то опять скроется за горизонтом, – летчик, пока есть в баках топливо, – ищи запасной!

Мужики, довольные, рассмеялись, а девушки, кажется, разобиделись. Губы надули. Эх, козел старый, не рассчитал!

Разговор за столом тем временем разделился на группы – по интересам. Антонов, разомлев, что-то рассказывал Дарье, дружески положив руку на спинку ее стула. Замужние девчонки во главе с Людмилой на семейные темы болтали, какие-то покупки для детей обсуждали. Когда только по магазинам пробежаться успели?! Незамужние строили глазки молодым сотрудникам безопасности. Только они с Михалычем не у дел и остались.

– Ты знаешь, чего я думаю, – потянуло на разговоры Фадеева.

– Что, опять, где добыть молодильных яблок? – наигранно испугался Михалыч.

– Да ну тебя, – отмахнулся Фадеев, – я думаю, когда на пенсию выйду, надо открыть в аэропорту сувенирный магазин нашей компании. Будем продавать разные там кружки, самолетики, майки...

– Трусы, – добавил Михалыч.

– Чего – трусы? – не понял Фадеев.

– Тоже продавать надо, – развеселился пилот-инструктор, – я бы знаешь сколько в подарок мужикам купил?! И себе. С надписью «Боинг-747». Круто?

– Не уверен, – засомневался Фадеев.

– На все сто! – подмигнул Борис и, поманив Михаила Вячеславовича пальцем поближе, добавил шепотом: – Только там еще написать надо: «Размер имеет значение!»

– Вот что ты за человек?! – Фадеев, не выдержав, расхохотался.

– А еще, – разошелся Михалыч, – с надписью «Боинг-777». И лозунг возьмем из рекламы: «Теперь на тридцать минут быстрее!»

– Иди куда дальше, – давась от смеха, махнул на него Фадеев, – девушкам не понравится. Не будем мы это писать!

– Раз о девушках печешься, – подмигнул Боря, – рано тебе еще, командир, думать о пенсии! послужи, друг-товарищ, отечеству!

– Что, – Михаил Вячеславович перестал смеяться, – за отечество?

– Давай!

Они подняли бокалы, чокнулись.

– А если серьезно, – Фадеев вздохнул, – у меня другая мечта. Хочу любимый самолет возродить.

– «Ил»? – сразу понял пилот-инструктор.

– Его-о. – В голосе Михаила Вячеславовича послышалась нежность. – Там же над экономикой только поработать надо было, модернизировать кое-что – и прекрасная была бы машина. А десять с половиной тонн, как на «Ил-86», много. Как ни крути.

– Я слышал, двигатели на нем планировали менять?

– Когда это было, – Фадеев махнул рукой, – с тех пор все кануло в Лету. Нам бы гения, как Ильюшин, да поддержку государства. Мы б американцам такую конкуренцию составили!

– Гении на Руси не переводятся, – с уверенностью произнес Борис, – а вот с честным управлением в наше время сложнее. Человек должен быть, который жизнь на это дело положит. Энтузиаст. Везде пробьет, со всеми договорится. Займется не распилом бюджета, а созданием самолета.

– Твоя правда, – Фадеев сник.

Они сидели, молчали, задумавшись. Долго еще в России не будет конкурентного самолета, долго придется из-за хорошей экономики иностранные авиалайнеры покупать: пока не появится новое поколение одержимых энтузиастов. Готовых дело делать, а не набивать собственные карманы...

Внезапно мысли Фадеева прервались – он ощутил на себе чей-то взгляд: требовательный и нежный. Он вздрогнул, поднял глаза. У дверей ресторана – в первую секунду он даже сам себе не поверил – стояла Надя.

За двадцать с лишним лет в ней мало что изменилось – та же гибкость, те же пронзительные карие глаза и богатые, распущенные по плечам темные волосы. Только одета она была не в синюю форму бортпроводницы, которая в молодости невероятно ей шла, а в шелковое платье до пят. Красный шелк трепетал у ее ног, очерчивая контур незабываемых бедер. Фадеев задохнулся, не отрываясь глядя на шикарную женщину. Многие мужчины – он только сейчас это заметил – тоже неотрывно уставились на нее.

А взгляд Нади, безошибочно точно обнаруживший его присутствие в зале, был направлен прямо ему в зрачки.

Наконец она двинулась с места – отпустила глазами Фадеева и прошла вслед за управляющим за свой столик. Михаил Вячеславович наконец увидел, что она не одна. Рядом с ней горделиво и степенно вышагивал пожилой джентльмен. Он с усмешкой окинул взглядом, полным превосходства, застывших с открытыми ртами мужчин и бережно обнял свою спутницу за талию. Обозначил законную собственность.

Фадеев едва усидел на стуле. Теперь он не мог ни есть, ни пить, ни слушать. Все, что рассказывал Михалыч, пролетало мимо ушей: с момента появления Наденьки в ресторане он смотрел лишь на нее. На секунду подумал о том, что Людмила может заметить его состояние, но она продолжала свой разговор с подругами. И ничего, казалось, не видела.

Господи, откуда Надежда-то здесь взялась?! Что за ирония судьбы: встретиться так после многих лет.

В памяти услужливо всплыла давняя сцена. Когда он прилетел за ней в Магадан, никто долго не открывал дверь в квартиру, а потом растревоженная шумом соседка высунулась и сообщила, что Надя уехала жить за границу. Вышла замуж. Тогда он и понял, что опоздал.

Не в силах дольше оставаться на месте, Фадеев вскочил со своего стула. Людмилу, которая посмотрела на него встревоженно и хотела встать вслед за ним, успокоил кивком «я скоро вернусь». Подошел к дверям ресторана, остановился и обернулся на Надю. Удивительно, но она и теперь безошибочно поймала его взгляд.

Фадеев вышел за дверь. Через минуту Надя была с ним рядом.

– Куда идем? – спросила она, оглядываясь. Спросила так, словно не прошло полжизни с момента их первой встречи.

– На смотровую площадку, – вибрируя от звука ее голоса, от ее близости, он нажал кнопку лифта, – семьдесят седьмой этаж.

– Как скажешь. – Наденька улыбнулась.

Они молча проехали пять этажей. Фадеев взял ее за руку – от его прикосновения она на секунду прикрыла глаза и коротко вздохнула – и уже не выпускал. Вывел ее из лифта, потащил за собой по коридору и открыл дверь на балкон. Оказывается, пока они сидели в ресторане, на город спустился вечер. Начинало темнеть.

– Не замерзнешь на ветру? – заботливо спросил он.

– Рядом с тобой?! – удивилась она.

– Наденька, – не в силах сдержаться, он прижал ее к себе: молния пронзила насквозь, – сколько же лет!

– Не надо. – Она улыбнулась.

По-прежнему такая красивая, что больно смотреть. А ведь ей и тогда уже было – Михаил попытался подсчитать и не смог. Да он просто не успел тогда выяснить, сколько ей лет. Ничего не успел! Понял только по каким-то неуловимым признакам – по уверенности, по опыту, – что она старше его.

– Ты в Таиланде живешь?

– В Америке, – она улыбнулась, – здесь бизнес у мужа, часто бываем. А в Америке чудесный дом. Мне там все нравится.

Последняя ее фраза больно кольнула его.

– А Магадан? – нахмурился он.

– Редко вспоминаю. Гораздо реже, чем тебя, Миша. – Она помолчала. – Я же любила тебя всю жизнь.

Фадеев стоял, пораженный громом. Как же вот так?! Как он – человек, который всегда поступал правильно, принимал верные решения, упустил в жизни такую любовь?!

– Почему ты поторопилась? – глухо спросил он. – Я приезжал за тобой.

– Правда?! – Надя прижалась к нему. – Глупая была. Не могла ждать.

Под ними шептал многоголосьем Бангкок. Дороги, манифестанты – все это отодвинулось так далеко, что перестало существовать.

А они стояли, словно вернувшись в прошлое. Фадеев чувствовал себя мальчишкой, юным пилотом, который ищет счастья по необъятным просторам своей родины. Он все тот же, прежний, – сейчас он, как никогда остро, это ощущал. Настойчивый, полный сил и надежды. Но как же он упустил Надю? Как?!

– Мне надо идти, – она мягко высвободилась из его объятий, – у тебя ручка есть?

– Не уходи, – Фадееву показалось, что, если она пропадет из виду, его молодость и сила растают с ней вместе, – мы же ни о чем не поговорили!

– Сказали главное, – она улыбнулась, – остальное неважно.

Она длинными пальцами вытащила из кармана его пиджака солидный «Паркер». Руки выдавали ее – по-прежнему тонкие, гибкие, но уже с явно обозначенными морщинами. Глядя на них, Фадеев расстроился.

– Если хочешь, позвони мне. – Она стремительным почерком написала на листочке с эмблемой Baiyok Sky свой телефон и протянула ему.

– Спасибо. – Фадеев принял листок из ее рук. Только цифры. Ни имени, ни подписи, – побудь здесь еще.

– Не могу. – Она снова прижалась к нему и неожиданно поцеловала в губы. Ошарашенный, сбитый с толку – как тот мальчишка, который впервые узнал ее губы двадцать пять лет назад, – Фадеев прикрыл глаза.

А когда открыл их, удивившись тому, что прикосновение так быстро исчезло, Наденьки уже не было рядом. Изумленный, он смотрел вниз: на неугомонный Бангкок. И если бы не листок бумаги с ее телефоном, подумал бы, что Наденька снова, как много раз до этого, ему просто приснилась.

Глава 3

«Я в любви не нуждаюсь. У меня нет на нее времени. Любовь – это слабость, но я мужчина и, случается, хочу женщину». Кирилл прошептал заученную с юности фразу и в который раз удивился тому, как точно Чарльз Стрикленд описал его собственное жизненное кредо. Таким и должен быть человек искусства! И он, Кирилл Николаев, этому образу соответствует.

Тут не о чем даже думать: его влечение к Даше – это банальная физиология. Ненужная страсть, которая будет вмешиваться во все планы и мысли, пока не найдет себе выхода. Он и так уже потерял несколько дней в этом чертовом Таиланде! Мог бы начать работу над новым сценарием, мог бы встретиться с Джереми – отношения с продюсером надо поддерживать. А он просидел все время в отеле, глядя в стену и мечтая о Дарье. Нет, таких бестолковых поездок у него еще не было. Нужно возвращаться в Москву – привычная обстановка поможет выбить из головы эту дурь. Нет у него времени на ерунду! Ни одной свободной минуты!

Николаев подхватил свой пижонский Louis Vuitton и вышел из номера, ненавидя себя за бесхребетность. Как можно было за несколько дней не написать ни строчки?!

В такси Кирилл продолжал отчитывать себя до тех пор, пока машина не встала, упершись в гигантскую толпу, собравшуюся на въезде в аэропорт. Неужели демонстрации оппозиции уже добрались до Утапао?! Если и здесь перекрыли дороги, плакали его планы вернуться в Москву! Он взгляделся в лица людей – нет, это были не тайцы. Терминал обступили туристы, которые прибыли в Утапао, видимо, со всей страны. Николаев присвистнул: даже по самым скромным прикидкам, вокруг аэропорта теснились несколько тысяч человек.

Далась ему эта романтика неба в реалиях! Надо было сразу отказываться от рейса, как только проблемы с вылетом начались. А все Антонов виноват – змей-искуситель. Соблазнил обещанием о себе рассказать, показать жизнь и работу авиаторов изнутри. Для будущего фильма, мол, пригодится. Показал! Экипаж после рейса испарился, а Николаев остался один на один со своими страстями.

Водитель-таец знаками дал понять, что дальше им не проехать. Кирилл чертыхнулся и вылез из автомобиля. Прекрасно! Тащиться пешком, да еще с чемоданом сквозь эту толпу! На кого он будет похож, когда доберется до терминала, если попадет туда вообще?!

Спустя полчаса, с большим трудом пробравшись к зданию, Николаев вошел внутрь. В помещении людей оказалось чуть ли не больше, чем на улице. Багаж свален в общую кучу в углу, пассажиры сидят, а у кого уже нет сил – лежат на голом полу. Кондиционеры давно перестали справляться – воздух кислый и затхлый. Чтобы продвигаться вперед, приходилось ступать чуть ли не по головам людей, застилавших своими телами пол. И никакого просвета.

Кое-как, спотыкаясь на каждом шагу, Кирилл разыскал представителя своей авиакомпании, который вывел его из терминала и проводил в просторный ангар. Только здесь взмокший от жары Николаев вздохнул с облегчением – это было единственное место в аэропорту Утапао, по которому можно было передвигаться, не опасаясь наступить кому-нибудь на руку или на ногу. Пассажиры сюда не добрались.

– Что-то вы рано, – покачал головой представитель, оглядываясь на коллег, таскавших из помещения на улицу железный хлам, – регистрация через два часа будет.

– Я подожду, – сообщил он и тут увидел Дарью; сердце его заколотилось, как дизель, – помогу вам!

Николаев не мог ничего поделать с мальчишеским возбуждением, которое охватило его. Ему хотелось совершать подвиги, рисоваться.

– Уверены? – представитель засомневался. – Жарко и пыль.

– Ничего страшного! – Николаев сиял. – Что надо делать?

Через пару минут после обмена рукопожатиями с Фадеевым и Антоновым он, засучив рукава и покраснев от натуги, уже работал вместе со всеми. Даша наконец заметила его, и теперь они то и дело обменивались многозначительными взглядами. От внимательных глаз Кирилла не ускользнуло то, как с его появлением Морозова расправила плечи и стала пленительно улыбаться. Та-а-ак. Если он и дальше будет обращать внимание на подобные вещи, таскать на улицу этот хлам будет тяжело. Николаев поспешил отвести взгляд. Не помогло.

Ну что он нашел в этом хрупком создании, которое притягивает его к себе с упорством магнита?! Внешне она не может сравниться ни с одной из его бывших подруг – актрисами, моделями и просто красавицами, на которых на улице оборачивались все без исключения. Кирилл с удовольствием вспомнил, какой шок испытывали прохожие, когда он выгуливал по центру Москвы своих спутниц. Мало того, что сам узнаваемый персонаж, красавец-мужчина, так еще и девица рядом такая, словно только что с подиума спустилась.

А Дашка? Маленькая, почти незаметная, похожая на подростка. Фигура отсутствует. Только огромные карие глаза выдают огромную силу. Или, может быть, страсть? Словно в ней маяк. И потому взгляд у нее горящий, живой, а не томно-скупающий, как у большинства его бывших подруг.

Николаев не удержался – снова тайком посмотрел на Дашу. Да когда же прекратится эта невозможная попытка, от которой его бросает то в холод, то в жар?! Надо было дожить до тридцати пяти лет, приобрести славу циника и сердцееда, чтобы не уметь в результате справиться с самым банальным в мире наваждением – желанием к женщине. Он дал себе слово больше не смотреть в ее сторону и даже не думать о ней.

Скоро уборка в ангаре была закончена, сотрудники разбрелись по рабочим местам, которые сами же и соорудили из подручных средств – коробок и оргстекла, а Кирилл отошел в сторонку, чтобы им не мешать. Он чувствовал каждую мышцу своего тела, как после тренажерного зала. Зверски хотелось есть. Бутерброды, которыми их накормили бортпроводницы после работы, пропали в организме бесследно. Черт возьми, откуда в нем вдруг такой аппетит? Последние полгода из-за навалившейся депрессии на почве неудач со сценарием, ему вообще не хотелось есть. С трудом, иногда с чувством отвращения, заставлял он себя сесть за стол. А сегодня, наверное, перетрудился. Или, может, это назойливое влечение к Морозовой разбудило все желания сразу.

Не в состоянии больше стоять на уставших ногах, Кирилл перевернул на бок свой Louis Vuitton и уселся на него самым варварским образом. Может, и не очень эстетично, зато удобно. Сколько можно заботиться о том, как ты выглядишь, что подумает публика? Иногда хочется вести себя так, как нравится, а не так, будто каждую секунду на тебя направлены объективы кинокамер.

Николаев устроился на чемодане удобнее и, прислонившись спиной к стене, закрыл глаза. Раньше он думал, что ничего более изматывающего, чем профессия актера, не существует. Съёмочный день длился официально двенадцать часов, а фактически растягивался на пятнадцать как минимум. Особенно измучил его нескончаемый милицейский сериал, в котором он играл роль следователя Василия Панова. Фильм показывали на Первом канале, в прайм-тайм, рейтинг был сказочно-высоким, и довольные успехом продюсеры даже слышать не хотели о том, чтобы поставить в проекте точку. А без главного героя в исполнении Николаева ни в одной серии было не обойтись. И Кирилл, стиснув зубы, борясь с отвращением, шел на работу.

Конечно, гонорары были хорошие – следующие пару лет он мог вообще не сниматься, работал бы над собственным фильмом, – но не только же в деньгах счастье! Счастье – это когда ты работаешь с удовольствием и испытываешь от результата восторг. Поначалу все так и было: сюжет захватывал, каждая новая серия игралась на одном дыхании. А потом сценаристы устали, режиссеры выдохлись. Серии стали скучными, истории – глупыми. Только рейтинг фантастическим образом не падал. Люди продолжали смотреть. Кирилл иногда просто пора-

жался своему зрителю – актеры уже еле ползают, сценаристы откровенно халтурят, а он все сидит, воткнувшись носом в телевизор, и ждет чего-то от фильма.

Вслух, тем более на площадке, говорить об этом было нельзя – запишут в еретики и, чего доброго, сожгут на костре ненависти и интриг: всем хочется продолжать зарабатывать деньги. Но Кирилл уже просто мечтал о том, чтобы в карьере Василия Панова сценаристы поставили жирную точку и с миром его отпустили.

Хотя, если оглядеться, кому и что в этой жизни дается даром? Людям в авиации – бортпроводникам, летчикам, представителям – как он успел убедиться, ничуть не легче. Помимо физического труда, иногда в самых неподходящих условиях – как, например, в Утапао – есть еще постоянное моральное напряжение: каждый чувствует свою ответственность за жизни людей. Одно дело снять плохой фильм – ну, потеряешь деньги, может быть, репутацию и совершенно другое – допустить ошибку в авиации. О фильме через пару лет забудут, а погибших уже не вернешь.

Кирилл поежился, вспомнив катастрофы последних лет. Излишняя самоуверенность. Недостаток ответственности. Даже такие качества, вполне безобидные для других сфер человеческой жизни, когда речь идет о небе, становятся смертельными. Трудно работать и все время об этом помнить.

– Вот, я вам, как обещал, автобиографию написал!

Кирилл открыл глаза и увидел перед собой улыбающегося Антонова. В летной форме он выглядел воплощением надежности и мужественности. С таким пилотом в кабине не страшно лететь даже в кругосветное путешествие. Кирилл с улыбкой принял исписанные убористым подчеркиком листы.

– Спасибо! – Он встал и пожал Андрею руку. – Очень вовремя! Пока ждем вылета, успею прочесть.

– Успехов! – пожелал тот.

Кирилл удобнее устроился на своем чемодане и нетерпеливо начал читать. Хоть какая-то польза от этой поездки в Таиланд! Если попадется что-нибудь интересное, можно включить в сценарий, а Антонова, как он и планировал, взять в консультанты.

С первых же бесхитростных строчек Андрея Кирилл с удивлением начал узнавать в пилоте себя. Та же юношеская страсть к небу, одержимость. И причины похожие: неустроенность в семье и желание уйти от реальности. Только Кириллу было легче в бытовом смысле – он городской. А Андрей с мальчишества испытал на себе все тяготы жизни в глухой сибирской деревне.

Школа. Потом армия – десантные войска на Дальнем Востоке и чудо, к которому стремился и ради которого жил, – поступление в Летное училище.

А дальше начиналось то, о чем Кирилл раньше мог только догадываться – путь талантливого пилота, принужденного сражаться за каждую пядь неба.

К окончанию училища выяснилось, что ни одна авиакомпания не готова принять на работу летчика без единого часа налета. А учебное заведение, поставленное рыночными отношениями в безвыходную ситуацию, выпускает ребят без практики. Где брать деньги на авиакеросин, на поддержание стареньких самолетов в состоянии летной годности? Это в Советском Союзе пеклись о таких вещах, как подготовка кадров и учебная база. А России не до жиру. Хочешь практику – плати десять тысяч долларов, вот и все. Тебе же летать надо. Не хочешь – получай диплом по теории и пари только в мечтах, поскольку в небо без подготовки тебя все равно не пустят.

Как именно Антонов заработал эти невероятные для него деньги, он не писал. Но Кирилл между строк улавливал: брался за любую физическую работу и пахал – привычный к труду деревенский парень – по двадцать четыре часа в сутки. За год заработал. Отучился. В группе у него самые высокие показатели были: за свои-то кровные по максимуму из практики выжал.

Андрей вернулся в родные края, чтобы устроиться в местную авиакомпанию и приступить к самостоятельным полетам. Только не тут-то было. В училище его выучили летать на отечественной технике, а предприятию требовались пилоты на «Боинг-737».

Переучиться? Пожалуйста! Тридцать тысяч долларов – и зарубежные курсы у тебя в кармане.

Вот тогда Антонов и встал на распутье. Мать уже старенькая, все время болеет, а он – взрослый мужик – с несбыточными мечтами носится. Кто же на жизнь заработает? Кто дом починит, огород вскопает, воды принесет? Надо быть реалистом: в облаках он уже навитался.

Андрей взял землю в аренду и превратился из летчика в фермера. Но, как ни старался, не мог приучиться к такой жизни – все его в небо тянуло. Фермерство Антонова закончилось тем, что, заработав немного денег, он продал свой дом в деревне, продал хозяйственные постройки, которыми успел обзавестись, и переехал с матерью в город. Купил там квартиру и тут же ее заложил, чтобы взять в банке кредит. Заветные тридцать тысяч долларов.

Учился на «Боинг-737» Антонов в Америке. Иностранцы, которых на учебу присылали авиакомпании со всего мира, сидели на тренажерах год. Особенно чудили китайцы, засылаемые огромными группами. У них была своя, неофициальная, система мотивации: не сдал, например, китайский курсант аэродинамику, друзья-товарищи в наказание кушать ему не дают. И будущий летчик, вместо того чтобы набираться знаний и навыков, от истощения теряет сознание на тренажерах.

Андрею ерундой заниматься некогда было, да и жизнь в Америке – удовольствие не из дешевых. Он прошел программу, сдал все экзамены за три месяца и вернулся домой. В авиакомпанию его теперь уже приняли.

Стажер, второй пилот, командир. Он не шагал, а взлетал вверх по служебной лестнице и наконец-то, впервые за долгие годы, был счастлив. А потом на его голову свалился тот самый литературный рейс.

Областные шишки собирались на саммит в Иркутске, ожидался визит президента. Самолет с администрацией края доверили пилотировать лучшему летчику местной авиакомпании Андрею Антонову. Только вот под конец полета вышла гнусная ситуация. Над Иркутском сгустился туман, видимость приближалась к минимальной. Зная особенности взлетно-посадочной полосы аэропорта, которая была, мягко говоря, недостаточно длинной и не оставляла возможностей для маневра, Антонов принял решение идти на запасной. Как только он сделал объявление по салону, в кабину прорвался помощник главы края.

– Немедленно, – верещал он, тряся напомаженными волосами, – меняйте решение! Сам требует посадку в Иркутске!

Антонов повернулся к помощнику и окинул его презрительным взглядом.

– «Сам» пусть в своей администрации распоряжается, – жестко осадил он, – а здесь я командир.

– Как... вы... смеете? – внезапно позеленевший помощник задыхался от злости: первый раз в жизни имя его шефа не произвело магического действия.

– Покиньте кабину, – миролюбиво предложил Антонов, – посторонним здесь находиться запрещено.

– Что?!

– Прошу занять свое место в пассажирском салоне, – уже жестче произнес он.

– Вы... – глаза напомаженного вылезли из орбит, – вы пожалеете! Считайте себя уволенным! Шеф так не оставит!

– Я понял, – отрезал Антонов, – выйдите вон!

Помощник с видом оскорбленной невинности вылетел за дверь. Второй пилот, перепуганный отказом Антонова главе края, сидел в правом кресле бледный, как простыня.

– Работаем подход, – бросил ему Андрей спокойно и, улыбнувшись, добавил: – Ничего, Степка, прорвемся.

Степку действительно не тронули – Антонов настоял на том, что решение не подчиниться приказу главы принимал он один. А вот Андрея от полетов отстранили. До тех пор, пока этот самый глава не попался на махинациях с бюджетными деньгами и не сел в тюрьму. Как знать, если бы он в тот день свиделся с президентом, может, и сложилась бы его судьба иначе. Но до интересов главы Андрею не было никакого дела: он отвечал за жизни людей...

– Привет!

Николаев, погрузившись в чтение, не заметил, как к нему подошла Даша.

– Привет, – моментально вскочил он, от волнения роняя листы, – что-то случилось?

– Нет, – Дарья улыбнулась смущенно, – до начала регистрации пятнадцать свободных минут. Я не мешаю?

– Конечно, нет!

Он и сам все утро думал о том, чтобы подойти к ней, но потом благоразумно решил – не стоит рисковать и раздувать огонь, который и без того нелегко потушить. Странная эта Даша. Когда он заигрывал с ней и давал понять, что она ему нравится, убегала, а теперь вот сама пришла.

– Что ты читаешь? – спросила она.

– Записки Антонова. – Кирилл бережно собрал разбросанные листы и спрятал их в папку.

– Интересно?

– Очень! – кивнул он. – Главный герой нового сценария оживает перед глазами.

– Уже скоро, – Даша печально вздохнула, – сегодня вечером, будешь в Москве. Начнешь писать.

– Да... – Он глупо обрадовался тому, что Даша расстроена его отъездом. – А ты здесь надолго?

– Не знаю, – еще больше погрузилась она, – пока аэропорт в Бангкоке не откроют.

– Вы молодцы, – Кирилл ободряюще улыбнулся, – не бросаете пассажиров.

Даша робко улыбнулась в ответ.

Не в состоянии дольше сдерживать желание прикоснуться к ней, Кирилл взял девушку за руку. Она не вырывалась. Медленно, опасаясь ее спугнуть, он поднес руку к губам и поцеловал прохладную, чуть влажную ладонь. Как тогда, в Москве. Дарья вздрогнула.

– Не надо. – Она осторожно высвободила руку, которую он все еще держал у своих губ. Повисла долгая пауза.

– Дашенька, – Кирилл наконец заговорил, – поверь мне, я очень упорный. Если что-то вбил себе в голову...

Они помолчали.

– Что же ты вбил?

– Не что, а кого, – он решился, – тебя...

– Почему? – Даша отвела взгляд.

– Потому, – Николаев подыскивал ответ, – потому что хочу быть с тобой.

– Кирилл, – растерянно прошептала она, – а как же твой принцип «жизнь – короткая штука, и на искусство, и на любовь ее не хватит»?

– Не знаю, – голос его прозвучал глухо.

– Так не получится.

Она замолчала. Стояла перед ним беззащитная, теребя тонкими пальцами край своей юбки. И что он в ней такого нашел?!

Николаева изматывала ее близость. Ему нужно было одно – сжать ее в объятиях, сделать своей. Что будет дальше, он понятия не имел, даже не пытался об этом думать.

– Почему? – дрожащим голосом спросил он.

– Господи боже мой, – Даша рассердилась, он это видел, – потому что я не терплю лицедеев!!!

Кирилл ничего не ответил. Что это с ней? Почему она его так? Какое мерзкое слово – «лицедей». А ведь он больше пятнадцати лет в профессии, сниматься начал еще во время учебы в ГИТИСе и на собственной шкуре убедился в том, что это самое «лицедейство» – тяжелый труд. Конечно, у творческих людей бывают сложные характеры, они часто вспыльчивы, непостоянны...

Только сейчас, совершенно внезапно, Кирилл начал догадываться о том, почему Даша его обидела: уж он-то знал, что такое ненависть – родом из детства! Любая девушка на ее месте была бы счастлива получить в любовники известного актера. Любая – да. Но не дочь знаменитой актрисы Анны Морозовой!

Он вспомнил, как недавно читал интервью с ней в каком-то журнале. Судя по рассказам примы столичного театра, характер у нее был не просто сложный. Ужасный. И она, что хуже всего, гордилась своей деспотичностью и склонностью к капризам. Видимо, считала эти качества внешними признаками таланта.

Был еще тот факт, что Анна рано развелась с первым мужем, отцом Даши. Остается только догадываться, что пришлось пережить ребенку. Отец – драматург – бросил их и забыл, мать скорее всего полностью переключилась на карьеру и новые романы. У чересчур темпераментных и страстных женщин – этой своей особенностью старшая Морозова от прессы и не скрывала – любовь к мужчине редко преобразуется в любовь к детям. Если он прав, можно себе представить, каково было маленькой девочке в такой творческой семье! Возненавидишь тут «лицедеев» до конца своих дней. А он просто попал в общий список.

Кириллу хотелось бы ошибиться в собственных выводах. Может, причина резкой реакции Даши на его расспросы в другом? Вероятно, он сам успел ее чем-то обидеть, только вот непонятно чем. Да и какими фактами он располагает? Обрывками случайных статей, непроверенных слухов. Собственной ненавистью к прошлому.

- Дашенька, прости, что лезу не в свое дело. Это все из-за матери?
- Что? – Даша вздрогнула и подняла на него испуганные глаза.
- Твое отношение, – он замялся с формулировкой, – к актерам?
- Какая разница?! – Она оцетинилась, как дикий зверек, приготовилась защищаться.
- Для меня огромная разница.
- Это плохая история.

Кирилл молча взял ее за руку и с мольбой посмотрел в глаза. Он видел, что Даша борется с собой – ей очень хотелось уйти, потому что она обижена. И хотелось остаться, потому что, несмотря ни на что, он ей нравится. Николаев удивился тому, что способен теперь читать эмоции Даши, которая с самого начала была для него загадкой.

– Я не знаю, – прошептала она.

Он вдруг почувствовал сострадание, даже жалость к этой маленькой и растерянной девочке. Как, как он мог поддаться своим животным инстинктам?! Как смел думать только о том, чтобы погасить никчемную страсть? Даше нужна защита и помощь, как когда-то ему.

- Даша, пожалуйста! Мне ничего от тебя не нужно, только скажи, что тебя мучает!
- Это, – она устало вздохнула, – не имеет значения.
- Имеет, – Кирилл обнял ее, – потому что связано с тобой. Расскажи...

Он держал Дашу в своих руках с такой нежностью, что она сдалась и начала говорить о маме, о детстве, хотя думала сейчас совсем о другом.

Они не слышали вокруг себя гудения человеческого улья, не различали гула турбин на летном поле. Им не мешали люди, окружившие их со всех сторон. Даша смотрела в глаза Кириллу и первый раз в жизни так буднично и откровенно, будто происходило это не с ней, а с кем-то другим, говорила о прошлом. Как отец ушел от них, а она долго думала, будто это из-

за нее. Как мать в детстве оставляла ее ночью одну – спектакли почти каждый вечер, – и она лежала в кровати, боясь пошевелиться, и ей постоянно мерещились кошмары. А когда мама приходила домой после театра, маленькой, дрожащей от ужаса Даше хотелось броситься ей навстречу. Но она знала – нельзя. Мама рассердится, будет кричать. Надо тихо лежать в кровати и притворяться, что спишь.

В шестнадцать лет Даша осталась совсем одна. Мать ее бросила. Анна Морозова посчитала, что вырастила дочь и теперь может быть свободна. Новая жизнь, новый муж – она жила так, как ей нравилось, и время от времени с удовольствием читала дочери нотации. Конечно, было за что: образования Даша из-за раннего замужества не получила; супруга себе выбрала неподходящего – муж должен зарабатывать деньги, а не страдать от творческих провалов, сидя на шее жены! Хорошо хоть ребенка не успели родить – хватило ума. И живет она как нищенка, никогда лишней копейки нет, и одевается плохо. Если бы мать еще знала о том, что Даша при разводе выплатила бывшему супругу половину стоимости ее собственной квартиры – по закону о разделе имущества – и теперь тащит на себе немислимый кредит, окончательно и бесповоротно записала бы ее в идиотки.

Чем дольше Даша говорила, тем больше она боялась, что он разомкнет объятия. Она была готова рассказывать что угодно, лишь бы он не выпускал ее из своих рук. Но ей казалось – еще чуть-чуть, и Кирилл прервет ее, скажет: «Спасибо, Даша, за откровенность. Действительно, плохая история». Презрительно хмыкнет, развернется и уйдет навсегда.

Она осеклась на полуслове и замолчала. Зачем она выворачивает перед ним наизнанку душу? Все ясно как белый день. Он вернется домой, напишет новый сценарий – материала набрал предостаточно, – а дорожное приключение в лице Даши, которого, по сути, и не было, моментально забудет. И она останется наедине со своим наваждением, которое так старалась побороть, спрятать от себя самой. Кто она такая, чтобы надеяться на любовь этого шикарного мужчины? Даже если она ему почему-то понравилась, он просто потушит о ее тело свой внезапный огонь и бросит, вернув себя творчеству. Он даже и не пытается этого скрыть. Такова сущность людей, неизлечимо больных искусством. Для чего ей этот утонченный Чарльз Стрикленд, живущий по принципу «я в любви не нуждаюсь, у меня на нее нет времени». Слишком хорошо она помнит сюжет романа и то, чем заканчивались жизни женщин художника. Слишком трудно забыть ей собственные ошибки. Не надо!

– Дашка, – Кирилл сильнее прижал ее к себе, и от неожиданности она задохнулась, – все этой пройдет! Поверь мне. Я знаю.

Она молча пожала плечами, теряя разум в его объятиях.

– Хочешь, я останусь с тобой? – вдруг спросил он.

– Не надо, – Даша едва смогла говорить, – лучше потом. В Москве.

– Я буду ждать...

Конечно, она ни на секунду не верила в то, что Кирилл сдержит слово. Даже если вдруг, по какому-то волшебству, они и встретятся с ним в Москве, очень скоро эти отношения ему наскучат. Понадобится новая влюбленность, новая муза. Но самое страшное было в том, что Даша уже отключила разум. Она хотела остаться с Кириллом сегодня же, здесь. В собственном гостиничном номере и на любых условиях.

Нет!!! Пусть лучше он улетит. Иначе она не выдержит искушения и будет потом страдать.

– Мне пора. – Даша с трудом отстранилась и отступила на шаг.

Кирилл инстинктивно шагнул вслед за ней, потом остановился. Он был растроган до глубины души и не мог понять, что происходит. Он чувствовал сострадание, хотел помочь Даше и защитить ее! Но в то же время шестым чувством понимал, что почему-то ей этого мало...

Глава 4

Первые два часа в аэропорту Утапао оказалось физически не до размышлений о жизни, чему Михаил Вячеславович был несказанно рад. Сначала, изрядно попотев, расчистили ангар, потом из подручных средств соорудили столы. На них и предстояло вручную регистрировать пассажиров трех рейсов авиакомпании – первым придет Москва, за ней – Питер и уже под вечер прилетает Екатеринбург. Завести систему регистрации и установить нужное число компьютеров не удалось. Придется обходиться единственным ноутбуком представителя и головами-руками сотрудников.

Решили, что клиентам первого и бизнес-класса будут выдавать места, ставя крестики в плане самолета, а пассажиров экономического рассадят свободно, сверяясь со списком на рейс. Сотрудники службы безопасности проведут специальный досмотр пассажиров и багажа. Благо, догадались привезти с собой из Москвы ручные металлоискатели.

К одиннадцати часам утра – моменту открытия регистрации на рейс в Москву – трехсотметровый ангар в аэропорту Утапао к приему и обслуживанию пассажиров был готов. Сотрудники авиакомпании – пилоты, бортпроводники, представители, «маршалы»³ – с чувством выполненного долга смотрели на преобразившееся сооружение. Первые пассажиры прибыли, регистрация началась.

Фадеев наблюдал за тем, как растерянные и не до конца верящие в свое счастье люди получали выписанные от руки посадочные талоны.

Теперь, когда к рейсу все было готово, он позволил себе расслабиться. И настырные мысли тут же вернулись к Наде – словно раскрывшаяся воронка, увлекли его в прошлое.

Как же тогда, в Магадане, им было трудно расстаться! Если бы не был он таким дураком по юности – «настоящий мужчина, который сам решает свои проблемы», – остался бы с нею, и все! Но как же он мог?! Нищий безработный летчик. А она – блестящая бортпроводница, дочь влиятельного родителя. Нельзя было допустить, чтобы Наденька связала свою жизнь с мужчиной, который ниже по положению!

Только с возрастом и умнеешь. Можно! Еще как можно! Деньги, карьера – все это наживное и преходящее. Добился же он всего! Да только уже не с ней.

Они мало тогда говорили, совсем не узнали друг друга – было жаль тратить драгоценное время. А потом он долго от этого мучился. Наденька на всю жизнь осталась в его судьбе загадкой, сказочной нимфой, за которой он даже не попытался угнаться. Разве что во сне. И теперь, через столько лет, они встретились, и она сказала, что любит! Даже замуж вышла за своего американца в надежде перебить оставшийся после Фадеева вкус острого и безвозвратного счастья. Почему он так долго летел тогда в Магадан? Почему она поторопилась?

Странная вещь – любовь. Сколько лет прошло, оба они изменились, а по-прежнему от одного вида Наденьки Фадеев ощущал дрожь во всем теле. Даже сейчас, просто от сознания того, что они в одном городе, сердце его сильно стучало в груди. Он боролся с неумолимым желанием увидеть ее, прижаться к губам, которые столько раз ему снились. И не мог подвести Людмилу...

Михаил Вячеславович почувствовал, как его разрывает на части. Он же любит жену, души в ней не чает. Но Наденька – страсть его молодости – не отпускает, сводит с ума. Яркий и быстротечный, словно комета, миг счастья из прошлого настойчиво манит к себе!

Он торопливо взглянул на часы – до вылета рейса осталось всего два с половиной часа. Он должен вернуться в Москву! Там семья, работа, вся его жизнь. Но и не встретиться с Надей

³ Сотрудники отдела безопасности авиакомпании, сопровождающие рейсы для осуществления контроля над соблюдением порядка на борту ВС.

нельзя! Потом будет до гроба жалеть. Соображай быстрее, Фадеев. Самолету – крылья, пилоту – разум.

Если попросить приехать Наденьку в Утапао, она обязательно согласится: он в этом не сомневался. Часа за полтора может успеть. А он пешком дойдет до той части трассы, где начинается пробка. Рискованно, но должно получиться! Они поговорят, узнают все друг о друге, и тогда ему станет легче. Не может он улететь, ее не увидев! Физически не способен!

Михаил Вячеславович бережно извлек из кармана плотный квадрат бумаги с номером ее телефона, поднес его к лицу и уловил едва заметный аромат. Все тот же. Дрожащими пальцами начал набирать заветные цифры на своем телефоне.

– Миша, – голос жены заставил его вздрогнуть, – скажи, ты в порядке?

– Да. Что такое? – Фадеев, как нашкодивший мальчишка, торопливо сунул телефон и записку в карман. Поднял виноватые глаза на Людмилу.

– Выглядишь ты, друг мой, неважно. Ночью не спал. Может, давление стоит измерить?

– Людочка, – он смущенно смотрел на жену, – у меня давление как всегда: в космос отправлять можно.

Люда тяжело вздохнула. На открытом лице обычно счастливой и уверенной в себе женщины читалась тревога. Увидев беспомощное, по-детски обиженное выражение ее глаз, Михаил Вячеславович не выдержал: да что ж он такое творит? Какое имеет право?!

– Все в порядке, Людочка. Все хорошо! Ты езжай с экипажем на борт, а мы с Антоновым позже прибудем, как закончится регистрация.

«Не надо никаких встреч с Надей! – думал раздавленный беспокойством жены Фадеев. – Да и все равно уже слишком поздно».

Люда посмотрела на него вопросительно, он кивнул, и она пошла вслед за остальными в автобус. А Фадееву на миг показалось, что он намеренно спровадил жену: для того, чтобы не мешала мечтать о Наде. Не будет он встречаться с ней, не будет! Но ведь думать-то даже самому себе не запретишь. Он прислонился к шершавой стене ангара и устало прикрыл глаза. Волшебные картины из прошлого снова поплыли перед внутренним взором.

Очнулся Фадеев, только услышав непривычную для аэропорта тишину. Все голоса разом смолкли, все взгляды устремились в одном направлении. Михаил Вячеславович посмотрел туда же: на носилках, которые с одной стороны держал Антонов, а с другой – два испуганных тайца, несли молодую девушку. Командир растерялся.

Девушка не шевелилась, глаза ее были открыты и неподвижно смотрели в потолок. Рядом с носилками брела женщина, прижимая платок к лицу, по которому безостановочно катились слезы. Андрей подошел к свободной стене и поставил носилки на пол. Женщина тут же осела рядом, всхлипывая и вздрагивая. Михаил Вячеславович бросился к ним.

– Что случилось? – Он отвел Антонова в сторону.

– Надо девушку с матерью взять на борт, – вместо ответа выдал Андрей.

– Как? – Михаил Вячеславович не мог сразу сообразить. – У нас в списках не было лежащих больных. Чтобы закрепить в самолете медицинскую кровать нужно шесть свободных кресел!

– Надо, – Антонов посмотрел ему прямо в глаза, – принять к перевозке. Как именно, я не знаю. Прошу вашего решения.

Фадеев ничего не ответил. Он только старался, чтобы внутреннее смятение не отразилось на его лице. Что подумают о нем сотрудники, пассажиры?! Первый раз в жизни он – человек, который всегда брал на себя ответственность, принимал самые сложные решения за весь коллектив, – понятия не имел, что делать. И надо было столкнуться с такой ситуацией именно сегодня, когда он не может разобраться даже в самом себе!

Он растерянно наблюдал за тем, как Дарья быстро вытащила из коробки пластиковую бутылку и присела на корточки рядом с пожилой женщиной, протянув ей открытую воду.

Та сначала посмотрела с непониманием, потом трясущимися руками взяла бутылку и начала жадно пить. Через несколько минут Дарья, которая успела расспросить обо всем пассажирку, подошла к командиру.

– У женщины с дочерью билеты в Москву на позавчерашний рейс местной авиакомпании, – понизив голос, сообщила она, – но там все отменили!

– Что с девушкой? – глухо спросил Михаил Вячеславович.

– Опухоль позвоночника, – прошептала Морозова, – завтра должна лечь в больницу в Москве, уже назначена операция. Когда прилетели в Таиланд, она ходила. Но из-за отмены рейсов, коллапса... Стресс, обострение, никто толком не понимает, что произошло! По туристической страховке в местных больницах от них только отмахивались.

– Боже ты мой, – Фадеев усилием воли остановил едва не вырвавшийся стон, – зачем же они с таким диагнозом полетели в Таиланд?

– Понимаете, – Даша отвернулась, чтобы ее глаз, на которые набежали слезы, не было видно, – девушка настояла. Даже в Москве не дают гарантий. Говорят, да, будет жить, но сможет самостоятельно двигаться или нет, неизвестно. А она с детства мечтала увидеть Таиланд. Учится на востоковеда...

– Мать рассказала?

– Да, – Даша всхлипнула, уже не в силах сдержаться, – она вне себя от горя: винит себя в том, что они прилетели. Что поддалась на уговоры дочери, пожалела ее. И вот такое случилось...

– Ясно, – Фадеев взволнованно кивнул, – пассажиры все прибыли?

– Минут десять назад не были зарегистрированы двенадцать человек, но люди потом еще подходили. Билеты все проданы!

– Знаю.

– Михаил Вячеславович, что же нам делать?!

Теперь слово было за ним – только он, командир воздушного судна, мог решить сейчас чужую судьбу. Фадеев беспомощно огляделся, словно ища поддержки. Около женщины на корточках уже сидел Антонов и старался, как умел, утешить ее.

– Проверь, остались ли свободные места.

Даша бросилась выполнять указание. А Фадеев почувствовал, что еще немного, и он не выдержит напряжения. Несколько сотен человек смотрели на него широко раскрытыми глазами и ждали, что станет делать этот седой пилот с парализованной девушкой. Наверняка каждый непроизвольно поставил себя на место несчастной. Не приведи бог вот так вот, в чужой стране! И никто не поможет? Конечно, формально они не пассажиры авиакомпании, но, когда речь идет о жизни и смерти, какое это имеет значение?! Господи, помоги! Как, как с ними быть?!

– Михаил Вячеславович, – Даша подбежала к Фадееву, – шестеро пока не пришли. Сможем разместить медкровать.

– Отлично! – он оживился. – Ты давай предупреди ребят, чтобы не регистрировали. Заплатим компенсацию пассажирам, полетят следующим рейсом.

– А с матерью что нам делать? Куда посадить?

– Возьмем на места отдыха экипажа, – принял он решение и сразу почувствовал себя лучше. Вернулась уверенность.

– Я только, – Даша перешла на шепот, – не знаю, как с ней в этой ситуации про деньги говорить.

– Не надо, – Михаил Вячеславович категорично мотнул головой, – я сейчас с генеральным директором созвонюсь. Решим мы вопрос: не бросать же людей в беде!

– Спасибо! – обрадовалась Даша, глаза ее засияли.

– А тебе привычное задание, – он улыбнулся, вспомнив, как они с Морозовой в Москве пассажирку спасали, – найди-ка врача. Нужно, чтобы осмотрели и дали разрешение на вылет.

– У них справка из местной клиники есть, что перелет разрешен!

– Все равно медбригаду вызови, – он взглянул на плачущую женщину, – и матери давление не мешает измерить.

Дашенька убежала, а Фадеев достал из кармана телефон, стал звонить генеральному директору, чтобы договориться о перевозке лежачего больного. Да еще без билета. Пока разговаривали, он заметил у стойки регистрации какое-то оживление, а потом услышал громкие голоса. Молодая женщина с двумя детьми – примерно трех и пяти лет – растерянно хлопала глазами. Огромный красный чемодан, который она неизвестно как дотащила до ангара, учитывая то, что в каждой руке у нее было по ребенку, завалился набок. Так вот они какие – задержавшиеся пассажиры, которых он разрешил снять с рейса! Час от часу не легче. Спешно попрощавшись с начальством, Фадеев нажал отбой и ошарашенно уставился на семейку.

Женщина тем временем не выпускала из рук детей и выглядела так, словно с ней вот-вот случится истерика. Губы ее дрожали, лицо побелело от страха. Она уже не возмущалась тем, что ей отказывают в регистрации, не доказывала свою правоту – молча страдала и захлебывалась подкатившими к горлу слезами. Фадеев стремительно подошел к ней.

– Все в порядке, – буркнул он, – простите нас за заминку.

Мамочка не сразу поняла, что он говорит. А потом сообразила, что Михаил Вячеславович здесь – главный и теперь все ее страхи позади: их примут на рейс.

– Спасибо, – всхлипнула она.

Прошло еще пять минут. Регистрацию закрыли. Оставшиеся три пассажира либо не знали, что рейс выполняется из Утапао, либо по каким-то своим причинам передумали лететь. Все! Свободны только три кресла, на них кровати не разместить.

К Фадееву снова вернулось болезненное чувство собственной беспомощности. Он же командир, честное слово! Все ждут от него решения, а у него в голове даже мыслей путевых нет. Не может он добавить три жизненно важных кресла в салон! Наверное, лучше дождаться рейса в Питер. Может быть, там будут свободные места. Отправить девушку с матерью в Москву транзитом через северную столицу.

«Превосходная идея!» – с издевкой похвалил он себя сам. А потом мать, которая ничего не соображает от горя, и дочь, которая недвижно лежит на носилках, будут высаживаться в Пулкове, искать свободные места до Москвы – представители помогут, конечно, но не так-то все просто с перевозкой лежачих больных, – а дальше снова загружаться, снова лететь. Полная ерунда! Думай, командир, думай. Совсем мозги раскисли с этой внутренней разобщенностью на личном фронте.

– Готовность борта, – подскочил к Фадееву представитель, – пассажиров приглашать будем?

Михаил Вячеславович бросил на него такой испепеляющий взгляд, что тот невольно попятился.

– Извини, – Фадеев запоздало сообразил, что напугал человека, – дай мне еще две минуты.

Представитель коротко кивнул и испарился.

Тем временем врачи закончили осмотр девушки, разрешение на полет подтвердили. Мать тоже могла лететь – давление в норме, кроме беспрестанно текущих слез, никаких осложнений.

Конечно, их нужно было отправить немедленно и только в Москву! Тем более экипаж идеальный: Людмила, как медсестра по образованию, присмотрит за девушкой, среди бортпроводниц есть двое врачей. С их опытом все пройдет гладко – в этом сомнений нет! Только где раздобыть еще три кресла? Где?!

– Уважаемые дамы и господа, – Фадеев с удивлением услышал звучный голос Антонова, который вышел в центр ангара, – меня зовут Андрей Антонов, я ваш второй пилот. От имени экипажа и всех сотрудников авиакомпании обращаюсь к вам с просьбой...

Он перевел дыхание. Было видно, что говорить перед публикой ему тяжело.

– Мы оказались в сложной ситуации, – запнувшись, продолжил Андрей и посмотрел на носилки, – необходима срочная медицинская помощь нашей соотечественнице. Человек бездвиген, требуется операция в Москве.

Он снова замолчал, но Фадеев все уже понял. А сам-то он, старый дурак! Не мог додуматься до такого простого решения – попросить кого-то из пассажиров остаться в Таиланде до следующего рейса. Конечно, не всякий человек из-за сочувствия изменит свои планы, но им, строго говоря, и нужно-то всего три кресла!

– Друзья, – голос Антонова от волнения сорвался к концу выступления, – помогите спасти человека! Чтобы установить кровать в самолете, нужно шесть свободных кресел. Три у нас есть. Я уверен, найдутся люди, которые согласятся подождать в Таиланде следующего самолета в Москву!

Пассажиры зашумели. Фадеев не сомневался, что каждый думает о том, чтобы остаться. Но у многих дети. Обязательства, которые нельзя отложить. Работа.

– Я не лечу! – к Антонову подскочил Николаев.

Фадеев успел заметить, какой счастливый взгляд он бросил на Дашу и развел руками, словно говоря: «Я здесь ни при чем, обстоятельства». Дарья сияла от радости.

– Нужны еще два человека! – У Андрея загорелись глаза.

– Ай, ладна, – со своего чемодана с ребенком на руках поднялся знакомый по прошлому рейсу пассажир восточной наружности и потащил за собой жену, – мы астаемся.

– Молодец! – Кирилл дружески хлопнул Самира по плечу.

– На экскурсий с тобой паедем, – объяснил он Николаеву, как старому приятелю, – ролик рекламный для мой кафе абсудим.

– Обсудим-обсудим, – смирился Кирилл.

– Настоящий джигит! – обрадовался Самир.

– Спасибо! – Антонов торопливо пожал мужчинам руки.

– Не проблема, – Николаев крепко сжал ладонь Андрея в ответ, – хорошего рейса!

Дарья, не дожидаясь указаний Фадеева, бросилась к столу регистрации оформлять снятие трех пассажиров и посадочные талоны для девушки с мамой. К Михаилу Вячеславовичу наконец вернулась способность действовать – он начал звонить в Москву. Нужно было передать коллегам о решении и попросить, чтобы внесли изменения в систему бронирования. Самира с женой и Кирилла перенести на следующий рейс, а девушку с матерью оформить на этот.

Все вокруг ожило, закипело. Представитель объявил по команде Фадеева начало посадки на рейс, и пассажиры стали пробираться к выходу. Под контролем сотрудников, небольшими группами им предстояло идти на посадку пешком по летному полю: нужным количеством автобусов перегруженный аэропорт обеспечен не был. «Как в старые времена», – подумал Фадеев.

Машину прислали только за пассажиркой на носилках, и теперь ребята во главе с Антоновым занимались ее погрузкой в салон. Фадеев видел, как мать девушки повисла на Андрее, не в силах прервать благодарности, а он только смущенно улыбался в ответ, осторожно поддерживая женщину в своих объятиях. Наконец Антонов мягко высвободился и забежал в ангар.

– Михаил Вячеславович, поехали! – позвал он. – Другого транспорта нет.

Фадеев обернулся, поискал глазами Дашу, суетившуюся вокруг пассажиров. Помахал в воздухе раскрытой ладонью, улыбнулся ободряюще – дескать, держитесь тут без нас, – и побрел вслед за Антоновым.

В самолете его ждал экипаж. Скоро и пассажиры начнут подниматься на борт, рассаживаться по местам. Пора занимать место командира воздушного судна. Хотя... Какой, если честно, из него теперь командир?! Ситуацию взял на себя Антонов, подготовку к рейсу провел Михалыч. А что делал он? Страдал по ушедшей любви и тому, что в жизни ничего уже не вернешь.

Фадеев посмотрел в лицо лежавшей на полу автобуса девушке и осекся. Да что ж это он, в самом деле?! Незаметно смахнул с глаза набежавшую слезу, словно убрал соринку. Совсем расклеился, старый дурак. Сдал позиции – стыд, да и только. Командир обязан подавать экипажу личный пример в работе и в жизни. А какой из него выходит теперь пример? Такой, которому лучше бы и не следовать.

Михаил Вячеславович на этот раз с принятием решения не колебался: Антонов сядет на место командира воздушного судна, сам он такой чести сегодня не заслужил. Да и нечего с посторонними мыслями о Наденьке, о перипетиях судьбы лезть за штурвал. Сердце пилота должно быть горячее, а голова – холодная. Как у Андрея.

Машина остановилась у самолета. Носилки осторожно вытащили и понесли вверх по трапу – пока не пришли остальные пассажиры, нужно было успеть разместить на креслах медицинскую кровать и освободить проходы. Евгений с Людмилой встретили их у дверей, сразу же занялись девушкой и ее матерью. Михаил Вячеславович успел заметить, с какой нежностью Антонов смотрит на юную пассажирку. Казалось, доставить ее в Москву стало для него делом всей жизни.

– Михаил Вячеславович?

– Что? – Фадеев обернулся на голос Андрея.

– Мне надо с вами поговорить, – он замялся.

– Говори, – удивился Фадеев.

И подумал о том, что у Андрея-то, оказывается, мозги неплохо работают. Видит, что начальство в разобранных чувствах и не в состоянии оборону держать, – так сейчас и воспользуется удобным случаем. Сам-то он сегодня на высоте. Начнет про свой опыт рассказывать, повышения в должности просить. Привык парень касаться головой звезд. Как же, в другой компании в командирах ходил, а здесь только вторым пилотом его на работу приняли.

Хотя, если честно, Фадеев и сам теперь понимал, что с Андреем палку он перегнул. Достоин парень командирского кресла – хороший он человек и пилот первоклассный. А виноват только в том, что никто ему раньше не объяснял, что в авиации все делают общее дело, а не каждый – свое. Поэтому и к младшим коллегам поначалу свысока относился. А теперь вот благодаря Михалычу многое изменилось.

– Я таких людей, как вы, в жизни еще не встречал! – сообщил вдруг Антонов.

– В каком смысле? – насторожился Фадеев.

– В самом хорошем, – улыбнулся второй пилот. – Первый раз вижу, чтобы заместитель генерального директора, заслуженный летчик, профессионал высшего класса вот так дружески и запросто общался с людьми! С бортпроводниками, с представителями и с молодыми-зелеными вроде меня.

– Да ладно, – отмахнулся Фадеев. Ему стало стыдно из-за недавних своих подозрений. Парень и не думал сейчас о карьере.

– Серьезно! – с жаром возразил Андрей. – Вы же вместе со всеми, своими руками и железки таскали, и ангар расчищали.

– Не приучен иначе, – Фадеев слабо улыбнулся.

– Вы, Михаил Вячеславович, – произнес Антонов, – меня извините. Я тут пришел в вашу компанию со своим уставом. Обижался, что командира сразу не дали. А теперь вижу: есть чему поучиться. Все бы отдал, чтобы стать похожим на вас!

– На меня, – поперхнулся Фадеев, – похожим не надо. Успеется.

И все. Больше Антонов к их разговору ничего не добавил. А Фадеев почувствовал, что от стыда стал красный как рак. Знал бы Андрей, что он думал о нем минуту назад! Знал бы, какие демоны терзают его начальника, – ни за что бы не пожелал себе такой участи.

Одна у него заслуга, что ни говори – команду он создал достойную. Пилотов собрал лучших в отрасли. Но теперь, видно, пора уступать место молодым – нечего все процессы на себе замыкать и думать, что незаменим. Опустив голову, Фадеев побрел в кабину, оставив Антонова помогать коллегам с размещением девушки.

– Как техподготовка? – задумчиво спросил он у Михалыча, едва переступив порог.

– В норме, – отчитался тот, – дефектов не обнаружено.

– Топливо? – машинально спросил Фадеев.

– Заправили по расчету.

– Приборы? – на автопилоте продолжил он.

– ... тридцать.

– Чего тридцать? – встрепенулся Михаил Вячеславович.

– А чего приборы?! – расхохотался Михалыч, довольный тем, что так ловко поддел хмурого командира.

– Не умничай, – пригрозил Михаил Вячеславович, вспомнив наконец бородатый анекдот про Чапаева с Петькой в самолете, и расстроился, что так глупо попался, – садись в правое кресло. Ты сегодня за второго пилота.

Михалыч послушно пересел и достал контрольные карты.

– За второго так за второго, – проворчал он, – значит, наше дело – правое, не мешать левому. А чего Андрюха? Без работы всю дорогу маяться будет? Не любишь ты парня!

– Устарела твоя информация, – буркнул Фадеев, – я себя не люблю. Андрюха твой за штурвал сядет.

– Вот это правильно, – с жаром похвалил командира Михалыч, – тонкий ты руководитель, Михаил Вячеславович! Зришь в корень.

– Уймись, – попросил Фадеев, – без тебя тошно.

Михалыч удивленно взглянул на пребывавшее не в духе начальство и счел за благо не лезть к командиру в душу. Захочет – сам скажет. Такой уж он человек: все свои проблемы привык решать сам.

Тут в кабину, словно свежий ветер, ворвался счастливый Антонов.

– Мне куда?! – удивился он, заметив, что его рабочее место занято пилотом-инструктором.

Борис Михайлович вопросительно смотрел на пребывавшего в задумчивости Фадеева, ожидая, что тот даст ответ.

– Тебе, – очнулся наконец Михаил Вячеславович, – за штурвал. Поведешь самолет.

– Спасибо! – не поверил своим ушам Андрей и все еще продолжал стоять в нерешительности.

– Приступайте к проверке, – скомандовал Фадеев, – а в Москву прилетим, заявление на перевод мне принесешь. Я подпишу.

– Кто? Я?! – Андрей все еще стоял, широко раскрыв глаза.

– Ну не я же! – удивился Михаил Вячеславович, а про себя подумал, что, может, и ему не мешало бы в свете последних событий написать заявление, только совсем другого толка. – Пора тебе, брат, в командирах летать. Или уже не хочешь?

– Не просто хочу, – Андрей опустил в левое кресло, – мечтаю! Только, – он помолчал, – я же недавно у вас работаю, мне в коллективе обжиться надо.

– Обжился уже! – махнул на него Михаил Вячеславович под радостное поддакивание пилота-инструктора. – Вон Бориса Михайловича спроси. Он-то соврать не даст.

Фадеев посмотрел на сияющего Антонова, и сердце его оттаяло: столько силы, столько мечты может быть в человеке! А он все со своими душевными бурями носится. Все ему кажется, что жизнь мимо прошла.

Нет! Обязан он с Надеждой увидеться, почувствовать ее, снять камень с души! Хотел быть честным перед женой, да не получается. Мало того, что мысли о любви из прошлого не уходят, так еще это мучительное ощущение, что, если не увидит Наденьку, кончено все. Такая короткая у человека жизнь, такая хрупкая – вон хоть на девушку эту бедную посмотреть. Нельзя отталкивать от себя то, что приносит судьба: во все встречи и события вложен свой смысл. Не разгадает его сегодня, значит, потом безутешно жалеть. Кому он будет нужен такой, убитый своими тайными мыслями и несчастный? Детям? Людмиле? Нет. Каждый человек обязан сам в жизни своей разобраться! Все понять, все решить, а не отмахиваться от трудностей и проблем. Один раз он уже допустил ошибку – сбежал. Второго раза не будет.

Фадеев, дождавшись, когда Михалыч с Антоновым закончат проверку, поднялся из кресла.

– Я не лечу, – загробным голосом сообщил он.

– Что случилось? – тут же отозвался Михалыч, а Антонов просто застыл, раскрыв от удивления рот.

– Останусь. Надо помочь с остальными рейсами. – Фадеев уже открыл дверь кабины и собрался выйти.

– А мы?

– Вам я не нужен, – Фадеев улыбнулся и подумал, что не мешало бы заодно проверить, как долго обойдутся без него и в Москве, – сами с усами.

– Счастливо оставаться, командир, – пожелал Борис Михайлович, который слишком хорошо знал Фадеева, чтобы рассчитывать на перемену решения.

– Вот это спасибо, – улыбнулся он, – за понимание и поддержку.

Фадеев подхватил свой портфель и, приложив руку к козырьку, решительно вышел из кабины. Что-то подсказывало ему, что добиться такого же понимания в глазах собственной жены будет гораздо сложнее. Но уходить с самолета как дезертир, даже не попрощавшись с Людмилой, он не хотел.

– Ты не летишь? – к его изумлению, она догадалась сама.

– Не лечу.

– Почему?

– Думаю, надо помочь ребятам, – начал бормотать Фадеев, – неизвестно, когда закончатся демонстрации...

– Прекрати, – она взяла его за руку, – здесь прекрасно справятся без тебя. В чем дело?

– В том, – Фадеев не знал, как правильно ответить на этот вопрос, – в том, что я встретил человека из прошлого. И должен с ним поговорить.

– Ясно. – Люда отвернулась.

– Я быстро, честное слово! И сразу в Москву.

– Этот человек – женщина?

– Да. – Фадеев даже не успел подумать о том, что можно соврать.

– Вы встретились в Baiyok Sky, – не спрашивала, а утверждала она, повернувшись и теперь глядя ему прямо в глаза.

Он в ответ промолчал, ошарашенный ее пронизательностью и тем, как умело она скрывала свое знание все это время. Наверное, ждала, когда он сам обо всем расскажет. Честное слово, так и надо было поступить! А теперь он решил остаться, и менять что-то поздно.

– Людочка, – он хотел сказать «до свидания», но она перебила:

– Миша, послушай. – Встревоженные голубые глаза смотрели прямо в душу. – Я без тебя не смогу. Ты нужен мне и детям. Детям и мне!

Фадеев схватил жену в объятия, поцеловал в губы и, боясь, что она заметит подступившие к глазам слезы, выскочил из самолета на трап. Его разрывало на части...

Глава 5

Ларин, терпя невыносимые муки в широком кресле бизнес-класса, смотрел в иллюминатор и лечил нестерпимую головную боль мыслями о том, что скоро увидит Дашу. Обнимет ее, прижмет к себе, и все его несчастья растают просто потому, что утратят смысл. Как же он от этой жизни устал!

За время работы в компании Максим слетал в такое количество командировок, что на борту самолета испытывал только одно чувство – отвращение. На прошлой неделе, после месяца непрерывных полетов, когда вышел на трап, уже не слишком понимая, куда именно прилетел, у него носом пошла кровь. Совсем его шеф загонял. Что бы ни случилось, панацея одна – Ларин! Лети туда, лети сюда, срочно исправь. А шеф даже задницу не поднимет из кожаного кресла, пока заместитель носится, как бешеная собака, по городам и весям, гробя свое здоровье.

Хотя что толку рассуждать? Устал не устал, а настоящий мужик в наше время должен соответствовать формуле «при деньгах и при должности». Должен, если понадобится, вертеться ужом на раскаленной сковородке и пускать кровавые пузыри, чтобы его не сбросили со счетов.

Максим отвлекся от мыслей – мимо продефилировала стюардесса в неприлично короткой форменной юбке. Бедрами красавица виляла так интенсивно, что Ларину оставалось только изумляться, как на столь богатые телодвижения хватает узкого прохода самолета. Совсем девки в компании распоясались! Куда только шеф экипажа пассажирской кабины смотрит?! Максим высунул голову, провожая девицу взглядом, и обнаружил разнопостриженные затылки мужиков, торчавшие по обеим сторонам прохода. Он откинулся в кресле, не в силах удержаться от беззвучного хохота.

А он-то, бедняга, все голову ломал, почему на их рейсах, где, судя по отзывам, обслуживание – хуже некуда, битком народу? Вот и разгадка: бесплатное шоу. Ларин отсмеялся и еще раз посмотрел вслед девице. Попадись она ему на глаза пару лет назад, не задумываясь, занялся бы этой кралей. Оказал бы честь разок-другой.

Но сейчас ему даже думать было страшно о том, что подобное существо заберется к нему в постель. И что он будет с ней делать? Рассказывать о том, как обидел Дашу, а потом прилетел за тридевять земель, чтобы просить прощения? Смешно.

А если отбросить все шутки, он и с женой-то едва себя сдерживал: так хотелось поговорить о Морозовой. Пожаловаться, что он влюбился до потери пульса в прекрасную юную девушку, а она его держит на расстоянии. Что первый раз в жизни он так нуждается в нежности, а получает лишь дружеское участие. Что не может даже думать о других женщинах, хотя раньше месяца не проходило, чтобы не заводил себе новой любовницы. Целый год он ходит вокруг да около, ухаживает, ищет встреч. А она и не прогоняет, и не зовет...

Ларин с возмущением посмотрел на соседа по креслу, прервавшего его размышления своим храпом. Чем думать о Даше в такой неподходящей обстановке, лучше и самому бы заснуть! Только вот не может он спать в самолете. Жестокая ошибка природы, если учесть то, сколько времени он проводит в небе.

Максим сел удобнее и прикрыл глаза. Ладно, на сегодняшний день все не так плохо. Рейс в Утапао он все-таки организовал, а ведь даже Виталик не верил в его способности. Дашу он скоро увидит, и, может быть, в этой экзотической стране, пропитанной солнцем и страстью, она отгадет. Надо надеяться! Без этого его жизнь будет бессмысленной.

До конца полета Максим ворочался в кресле – читать сил уже не было, есть не хотелось, смотреть в небо ему надоело. Возбуждение от предстоящей встречи с Дашей нарастало, заставляя сердце колотиться о ребра. Каждую секунду он готов был вскочить и ринуться к ней.

Облегчение наступило только в момент первого касания земли. Все! Вон из этой консервной банки! Пусть экипаж разбирается, что к чему, а он уже на грани своих физических и моральных возможностей. Ларин вылетел из самолета, словно пробка от бутылки шампанского, которую, перед тем как открыть, долго трясли. Через десять минут он выбрался из зоны прилета аэропорта Утапао.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.